

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование кафедры)

46.03.01 «История»

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Информирование населения о событиях Русско-японской войны в
периодической печати (по материалам Самарской губернии)».

Студент

С.С. Емелин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Н.М. Румянцева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите
Заведующий кафедрой

канд.ист.наук, доцент О.А. Безгина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2019

Аннотация

Актуальность исследования состоит в том, что в информационную эпоху важнейшим богатством является информация, особенно на войне. Сто десять лет назад это правило было аналогично рабочим. Мы увидим к чему привело оставление народа без снабжения информацией на некоторое время, а также вред от конструирования расовых, культурных и иных стереотипов о какой-либо группе лиц. Из этого проистекает ещё одна причина актуальности этой работы: к чему могут привести ложные суждения, созданные пропагандистской машиной и чем это, оборачивается для её создателей.

Цель работы — Выявить основные источники информации транслирующие сведения о Русско-японской войне в Самарской губернии и определить их влияния на губернское общество.

Задачи исследования.

1. Охарактеризовать цензурный климат в России в начале XX века.
2. Дать общую характеристику информационным каналам, имеющимся в Российской империи на начало войны.
3. Проанализировать возможности информационного снабжения населения Самарской губернией.
4. Вычислить и охарактеризовать основных поставщиков информации в Самарской губернии в 1904-1905 годах.
5. Проследить трансформацию мнения официальной, легальной нелегальной прессы о Русско-японские войны.
6. Воссоздать социокультурный портрет основных потребителей информации Самарской губернии — сельских и городских обывателей.

Структура работы состоит из введения, двух глав, четырёх параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

Основные выводы бакалаврской работы

На основе анализа средств массовой информации мы можем охарактеризовать основные группы источников информации Самарской губернии. Официальные источники: лубки, официальные газеты и журналы.

Представляли сугубо правительственную позицию. Поставляли актуальную информацию только до начала серьёзных поражений, далее в глазах читающей публики лишь дискредитировали себя.

Легальные источники: легальные газеты и журналы. Выражали в начале войны солидарность с официальной прессой. Вскоре изменили своё отношение к войне, требуя скорейшего заключения мира. Не боялись называть вещи своими именами, громя в печати власть и командование. Также доставляли до потребителя взвешенные сведения о Японии и японцах.

Нелегальные источники: листовки и слухи. Занимали диаметрально противоположную позицию с официальной пропагандой. Имели чётко выраженный пораженческий настрой и его же пропагандировали в крестьянской среде. Через т.н. «умных людей».

Таким образом, в результате информационной войны в самарской губернии между различными политическими движениями за умы народа. Побеждают либералы и революционеры. Первые объективнее всех снабжали информацией, вторые хоть и слабо повлияли на народные массы, однако добились желаемого — революции. Правительство войну проиграло, завершив цикл информационной пропаганды ещё в первой половине войны. Так и не объяснив массам зачем воевали и с кем.

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Способы передачи информации в Российской империи.....	13
1.1. Возможности Российской империи в снабжении населения информацией в Русско-японскую войну.....	13
1.2. Потенциал Самарской губернии в обеспечении населения информацией о войне.....	31
Глава II. Трансляция сведений о Русско-японской войне основных поставщиков информации Самарской губернии в сельской и городской среде.....	40
2.1. Снабжение информации о войне в крестьянской среде.....	40
2.2. Война на страницах губернской печати.....	83
Заключение.....	107
Список используемых источников.....	111

Введение

Актуальность темы исследования.

В нашей работе будет рассматриваться всевозможные источники информации о русско-японской войне в Самарской губернии. Этим источникам будет дана классификация, прослежена эволюция их взглядов на войну и к каким приёмам те прибегают для достижения своих целей.

На конец 1903 года имело место быть несколько способов донесения информации до получателя: пресса (журналы и газеты); визуальные материалы (плакаты, листовки, лубки); официальные документы (документы делопроизводства, нормативные акты); почта; телеграф; слухи. Все эти способы передачи информационного сообщения можно разделить по признаку отношения к действовавшей власти: официальные, легальные, нелегальные. Во время войны каждая из групп пыталась навязать населению своё видение Русско-японской войны: причины, её необходимость российскому обществу, виновников в начале войны и в поражении, итогах. Требуется выявить механизмы воздействия каждой группы на жителей Самарской губернии для выявления самой успешной из них. Найти чьи приёмы оказали мощное влияние на умы обывателей. Это актуально для России в XXI веке, т.к. она участвует в военных конфликтах разных масштабов, и помимо материального обеспечения армии, тренировки военнослужащих, дипломатической работы, необходимо верно истолковать мотивы власти в участии в той или иной военной кампании. Дореволюционная Россия во время столкновения на Дальнем Востоке с этой задачей не справилась, потому России постсоветской следует учесть ошибки своего предка. Необходимость эта продиктована развитием военного искусства — появлением т.н. гибридных войн.

На сегодняшний день РФ является правовым государством, поступательно развивая имеющиеся демократические институты. Один из признаков правового государства это свобода слова и печати. На

сегодняшний день мир прессы невероятно богат, сегодня она доступна абсолютно каждому в любом уголке России, благодаря развитию интернета. Однако в начале XX века картина была совершенно иной, слабо развитая инфраструктура, скудный выбор местной печати, вели иногда к информационному вакууму. Но там, где нет слова печатного, являлось слово устное — слухи. Искажающие информацию случайно или нарочито. Отсюда вытекает следующая сторона актуальности темы исследования. На примере русско-японской войны мы увидим к чему ведёт слабое информационное обеспечение населения или его отсутствие.

Степень научной разработанности проблемы.

Данная тема на местном уровне исследована слабо. Лишь отдельные её аспекты освещены в полной мере: история цензуры в Поволжье¹, социально-экономическое развитие Самарской губернии², положение тех или иных сословий в Самарском крае³.

---

¹ Четверткова Н.Н. Цензурная политика российского самодержавия и ее реализация в конце XIX начале XX вв. (на примере Средневожского региона) — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzurnaya-politika-rossiyskogo-samoderzhaviya-i-ee-realizatsiya-v-kontse-xix-nachale-hh-vv-na-primere-srednevolzhskogo-regiona> — (Дата обращения: 11.05.2018); Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – нач. XX вв.). Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2008. — 550 с.

² Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара: Самар. ун-та, 1999. — 156 с; Храмов, Л.В. Самарский край в судьбах России: учеб. Пособие по самарскому краеведению для высших и средних общеобразовательных учебных заведений. Самара: Изд-во «самарский университет», 2006. — 371 с; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: соц. и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. — 448 с; Зорин, А.Н. города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. — 704 с; Алабин, П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Самара: Губерн. стат. ком., 1877. — 744 с; Алабин, П.В. Самара: 1586–1886 гг. / вступ. ст. и сост. П. Кабытова. Самара: Кн. изд-во, 1991. — 248 с.

³ Баринаева Е. П. Российское дворянство начала XX века в воспоминаниях современников // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-dvoryanstvo-nachala-hh-veka-v-vozpominaniyah-sovremennikov> — (Дата обращения: 08.05.2018);

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. — 187 с. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/820/21820/files/bezgin.pdf> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 26.04.2018).

Исследования общероссийского масштаба куда более богаче: здесь развитие журналистики⁴, разбор военных и дипломатических перипетий Русско-японской войны⁵, история некоторых видов передачи информации⁶, проблематики формирования образа врага и «желтой угрозы»⁷, исследование военной психологии⁸, вопросы трансформации цензуры⁹ и др.

Потому использовать традиционное деление историографии вопроса на дореволюционную, советскую и современную крайне затруднительно. Можно лишь выделить несколько работ, которые посвящены непосредственно информации о русско-японской войне в самарской провинции и способом их доставки. Все они относятся к современному этапу отечественной историографии. Так, например, ранее указанная нами работа М.Ж. Кожевниковой¹⁰ изучила Японскую гравюру «сэнсо-га» и русский лубок, выявив определённые сходства между двумя культурными феноменами.

Настоящим Клондайком для исследователя Русско-японской войны станет сборник, посвящённый 100-летию юбилею с начало военного столкновения¹¹. Однако здесь важно акцентировать на формате и содержании книги — сборник статей, с преобладанием общероссийской проблематики.

---

⁴ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. — 368 с.

⁵ Павлов Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011. — 288 с; Павлович, М.Л. Русско-японская война. — М.: Красная звезда, 1925. — 142 с; Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М.: Эксмо, Яуза, 2005. — 416 с; Артамонова В.А. Боевой дух русской армии XV – XX вв // Воен. –ист. антропол.: ежегод. 2002. Новые науч. направления. М.: РОСПЭН, 2002. — С. 131-147.

⁶ Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. — 279 с; Денисов В.Н. Война и лубок. Петроград: изд-во «Нового журнала для всех», 1916. — 40 с; Кожевникова, М.В. Два взгляда на одну войну. Самара: ООО Офорт, 2008. — 76 с.

⁷ Гузей, Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. – 248 с.

⁸ Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 383 с.

⁹ Патрушева, Н.Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Справочное издание. СПб: Нестор-история, 2011. — 412 с; Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. – М.: Аспект-пресс, 2001. – 368 с

¹⁰ Кожевникова, М.В. Два взгляда на одну войну. Указ. Соч. — 76 с.

¹¹ Русско-японская война 1904-1905 гг.: взгляд через столетие: междунар. ист. сб. / под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. 656 с.

Эта коллекция научных изысканий лишь поверхностно затрагивает некоторые вопросы русско-японской войны в губернии.

По-настоящему комплексной работой по данной тематике можно назвать работу А.О. Буранка «Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии)»¹², выпущенная в 2005 году. В ней даётся анализ теории информационного обеспечения в начале XX века в России, характеристика основных видов информационных источников в России и в Самарской губернии начала XX века; автор исследует механизмы распространения и восприятия информации о войне самарским крестьянством и городскими обывателями. Сюда же можно добавить две статьи дополняющей основную работу по этой проблематике: русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей»¹³ и устная информация Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства¹⁴.

Подводя итоги, можно сказать что историография вопроса довольно скудна, а если и присутствует, то носит фрагментарный характер. Лишь в единичных работах можно найти глубокий анализ самарской прессы и её влияние на самарское губернское население.

Цель работы. Выявить основные источники информации транслирующие сведения о Русско-японской войне в Самарской губернии и определить их влияния на губернское общество.

Задачи исследования.

1. Охарактеризовать цензурный климат в России в начале XX века.

---

¹² Буранок, А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2009. – 335 с.

¹³ Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-yaponskaya-voyna-na-stranitsah-samarskih-eparhialnyh-vedomostey> — (Дата обращения: 09.05.2018).

¹⁴ Буранок А.О. Устная информация о Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-informatsiya-o-russko-yaponskoy-voyne-v-vozpriyatii-samarskogo-krestyanstva> — (Дата обращения: 05.05.2018).

2. Дать общую характеристику информационным каналам, имеющимся в Российской империи на начало войны.
3. Проанализировать возможности информационного снабжения населения Самарской губернией.
4. Вычислить и охарактеризовать основных поставщиков информации в Самарской губернии в 1904-1905 годах.
5. Проследить трансформацию мнения официальной, легальной нелегальной прессы о Русско-японские войны.
6. Воссоздать социокультурный портрет основных потребителей информации Самарской губернии — сельских и городских обывателей.

Объект исследования. Поставщики информации о Русско-японской войне в Самарской губернии в 1904-1905 годах.

Предмет исследования. Сведения о Русско-японской войне транслируемые СМИ в Самарской губернии

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы охватывают период Русско-японской войны. Нижней границей служит начало войны – 26 января (8 февраля) 1904 г.; верхней границей является дата её завершения – 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Территориальные рамки. Будут представлены всей Самарской губернии это обусловлено темой исследования.

Методология и методика исследования. В данной работе был применён историко-сравнительный метод. На основе этого метода сравнению подверглось освещение русско-японской войны в различных самарских издательствах. Также применялся историко-типологический для классификации всей самарской печати в группы: официальная, легальная и нелегальная.

Источниковая база.

Источниковой базой для представленной работы являются справочные материалы, нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы,

источники личного происхождения и мемуары. Однако упор делается на периодическую печать, т.к. она является объектом исследования.

Из *делопроизводственных материалов* были задействованы в исследовании рапорты, прошения и отчёты таких ведомств: Самарское местное управление общества Красного Креста¹⁵, Самарское жандармское полицейское управление железных дорог¹⁶, Самарское губернское жандармское управление¹⁷. Из документов общества Красного креста можно выявить объём помощи высылаемых населением Самарской губернии на фронт, что важно для понимания степени поддержки действующей войны.

Фонды жандармского управления и жандармского управления по железным дорогам предоставляют информацию о работе органов правопорядка в городе Самара, а также иллюстрируют настроения общества во время войны. К тому же большая часть исследуемых листовок и прокламаций, используемых в бакалаврской работе найдены именно в листах этих фондов. Помимо самих экземпляров нелегальной литературы в фондах содержится информация о её размножении и распространении.

К *группе законодательных источников* относится Уголовное уложение от 22 марта 1903 года¹⁸ и Устав о цензуре и печати от 1890 года, позволяющие определить цензурный климат в области печати.

К *группе периодической печати* относится вся периодическая печать выходящая в годы Русско-японской войны. Так были рассмотрены такие газеты: «Самарские губернские ведомости»; «Самарская газета»; «Самарский курьер». Журналы: «Самарские епархиальные ведомости»; несколько экземпляров сатирических журналов С.-Петербургского издания «Стрелы», «Спрут», «Сигнал», «Волшебный фонарь». В этот список входит 22 листовок нелегального характера, выпущенных социал-революционной и социал-

---

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 183. Оп.1. Д.42.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 657; Ф. 470. Оп. 1. Д. 632.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 281; Ф. 468. Оп. 1. Д. 325; Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 2; Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 4; Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450; Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а.

¹⁸ Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. — СПб.: С.-Петербургская сенатская тип. — 1903. — 144 с.

демократической партии. Из которых можно подчеркнуть не только отношение революционных партий к войне, но и их идеологическую конфигурацию.

В них отражено мнение официальной власти и либеральной части общества на войну, свободу слово, революцию и другие злободневные темы. Благодаря печатной продукции можно проследить эволюцию взглядов на Русско-японскую войну, генезис революционных настроений напрямую коррелирующийся с негативной информации, приходящий с фронта.

В группу *справочных материалов* вошёл статистический сборник Адрес-календарь за 1904¹⁹. Сборник является неотъемлемым источником данных о социально-экономическом положении самарского населения, об экономическом развитии Самарской губернии, образовательной инфраструктуре (школ, библиотек, телеграфа, почты) и других обобщающих данных. В этой группе был проанализирована Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXXVI. Самарская губерния²⁰. Это труд обобщает данные о населении Самарской губернии на момент 1897 года: численность населения, половозрастная структура, вероисповедания, грамотность и т.д.

В рамках *группы источников личного происхождения и мемуаристики* были обработаны дневники, воспоминания, эпистолярные видных журналистов, деятелей культуры, политиков, военачальников и простых солдат, живших в годы войны. В этот список входят мемуары таких лиц, как журналист Александр Суворин²¹, писатель Викентий Викентьевич Вересаев²², дворяне Сергей Евгеньевич Трубецкой²³ и Николай Платонович

---

¹⁹ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. — Самара, 1905. — 358 с.

²⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXXVI. Самарская губерния. / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб.: Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, — 1904. — 218 с.

²¹ Суворин, А. Русско-японская война и русская революция: маленькие письма (1904–1908) / А. Суворин. — М., — 2005. — 752 с.

²² Вересаев, В.В. На японской войне: очерк / В.В. Вересаев. — «Public Domain», — 1907. — 140 с.

Карабчевский²⁴, министр Сергей Юльевич Витте²⁵ и генерала Алексея Николаевича Куропаткина²⁶. Сюда же входят письма защитников Порт-Артура. На основе источников выявлены настроения в армии, причины поражения России, масштабы пропаганды революционных движений и положение дворянства в начале XX века.

Новизна работы.

В научный оборот были вовлечены документы доселе не освещенных в исторические науки. На анализе которых была проведено комплексное изучение средств доставки информации в Самарскую губернию в годы Русско-японской войны. **(Я пока сам в недоумении что делать с этим пунктом).**

Структура работы.

Данная работа состоит из введения, двух глав, четырёх параграфов, заключения, списка литературы.

Практическая значимость.

Значимость работы заключается в возможности её использования в курсах по специальности «История» и «Учитель истории» в рамках таких учебных дисциплин «История Новейшего времени», «История России XX века», «Регионоведение», «Краеведение» и в рамках различных спецкурсов.

---

²³ Трубецкой, С. Е. Минувшее / С.Е. Трубецкой; предисл. Н.А. Руднева. — М.: ДЭМ, 1991. — 340 с.

²⁴ Карабчевский, Н.П. Что глаза мои видели: Революция и Россия / Н.П. Карабчевский. — Берлин: Ольги Дьяковой и Ко, — 1921. — 44 с.

²⁵ Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II / С.Ю. Витте, — 2-е изд. — Л.: Государственное издание, 1925. — 471 с.

²⁶ Куропаткин, А.Н. Русско-японская война, 1904–1905 / А.Н. Куропаткин. — 2-е изд. — Берлин: Полигон, 1911. — 557 с.

Глава I. СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1.1. Возможности Российской империи в снабжении населения информацией в Русско-японскую войну

Проблемы информационного обеспечения населения любого общества крепко связаны с проблемами свобода слова и цензурой. Для начала мы рассмотрим состояние цензуры в России накануне и во время войны.

Цензура в России в начале XX века регламентировалась «Устав о цензуре и печати 1890 года». Его особенностью стало, что теперь министр внутренних дел определял выходить печатному изданию или обречь авторов на «графоманию в стол». Однако министр имел право разрешить изданию выходить с условием предварительной цензуры каждого выпуска. Так, например, в справочном материале под редакцией Н.Г. Патрушевой приводится статистка. «В период с 1881 по 1905г. в Петербурге и Москве не разрешено 776 изданий на русском языке и 62 на национальных и иностранных, всего — 838. В период с 1880 по 1897г. в провинции не разрешено 542 издания на русском языке и 138 на национальных — армянском, грузинском, еврейском, латышском, литовском, татарском, украинском, эстонском»²⁷. Из которой можно сделать вывод, о более жёсткой дискриминации иноязычных изданий в провинции, чем в бывшей и настоящей столице. Национальная пресса находилась в тисках, не говоря об общей тенденции в культуре, и журналистике в частности, — насильственной русификации.

Помимо устава нормы печати регулировало и Уголовное уложение 1903 года. Вот некоторые статьи регулирующие вопросы цензуры:

---

²⁷ Патрушева Н.Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905гг. СПб. 2011. С. 29.

- «*Статья 294.* Виновный в выпуске в обращение из заведения для тиснения издания 1) с заведомо ложным означением о разрешении его цензурою; 2) с заведомо ложным указанием заведения, в коем оно оттиснуто; 3) с заведомо ложным означением имени издателя или ответственного редактора, если повременное издание выпущено без надлежащего разрешения, наказывается: заключением в тюрьме.
- *Статья 296.* Виновный в открытии книжной лавки или читальни, или в производстве торговли произведениями тиснения, без установленного законом или обязательным постановлением разрешения, наказывается: денежною пеней не свыше ста рублей.
- *Статья 298.* Торговля запрещенными изданиями или выпуск издания, не прошедшего цензуру, наказывается штрафом не свыше трехсот рублей
- *Статья 300.* Выпуск в обращение издания, заведомо задержанного цензурой, наказывается штрафом не свыше трехсот рублей.
- *Статья 301.* Продажа раскольнических или старообрядческих книг наказывается штрафом не свыше трехсот рублей найденные книги изымаются»²⁸.

Спецификой цензурных правил этого периода можно назвать активное применение штрафов, вместо уголовного преследования.

Но не только иноязычная пресса была поставлено в жёсткие самодержавные рамки. Русскоязычные провинциальные издания также испытывали гнёт со стороны местной власти. «Столичные газеты могли быть приостановлены цензурой на срок не более 6 месяцев после получения 3 предварительных предостережений, местные же газеты – без всяких предостережений и сроком до 8 месяцев»²⁹. К тому же вся провинциальная

²⁸ Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. СПб. 1903. С. 63-64.

²⁹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 183–184.

пресса вынуждена была проходить процедуру предварительной цензуры в лице местной администрации, просматривающая весь номер до выхода в тираж. В губернских центрах за цензуру напрямую отвечал губернатор, нередко сюжеты произвола губернаторов. Современники подмечали, что изволения губернатора выпускать газету часто являлось предметом торга и издательства, владеющие N-количеством средств, умело играли на закулисной пружине губернаторской совести.

Помимо нелицензированного выпуска печатной продукции издания могли быть наказаны за пересмотр или обсуждение таких вопросов: «1) христианской веры; 2) формы государственного правления в России; 3) нравственности; 4) собственности; 5) правительства; 6) сословий»³⁰. Нарушивших установленные принципы наказывали целой вереницей административных кар: «после трех предупреждений лишали права помещать различные рекламные объявления фирм, могли запретить розничную продажу, приостановить издание на шесть месяцев или вообще закрыть»³¹. Обжалование решения возможно было через ходатайство к Сенату в Петербурге, либо с прошением у министра внутренних дел.

Безысходность отнюдь не являлась спутником российской прессы. Она всячески пыталась обойти запреты и цензурные установления, используя: полунамёки, «эзопов» язык, ссылки на зарубежные издания³².

С началом Русско-японской войны вскрылись недостатки российской империи в области контроля за печатью. «В минувшую войну официальные известия печатались в газетах без всякого контроля цензуры. Поэтому в печать попадали приказы по военному ведомству, циркуляры Главного штаба, высочайшие приказы и манифесты, которые заключали в себе самые

---

³⁰ Четверткова, Н.Н. Цензурная политика российского самодержавия и ее реализация в конце XIX начале XX вв. (на примере Средневолжского региона) — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzurnaya-politika-rossiyskogo-samoderzhaviya-i-ee-realizatsiya-v-kontse-xix-nachale-hh-vv-na-primere-srednevolzhskogo-regiona> — (Дата обращения: 11.05.2018).

³¹ Там же.

³² Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 35.

секретные указания на новые формирования, мобилизации, отправление частей на войну и которые раскрывали карты противнику. Подобных сведений о японцах за все время войны из японской и иностранной прессы извлечь было невозможно»³³. Источником этих утечек становились солдатские письма, щедро одарившие читателя в тылу всем корпусом сведений военного назначения. Этим грешили, и военные корреспонденты в погоне за сенсацией часто нарушали военные тайны. Дело было исправлено лишь 17 февраля 1904, формированием цензурной комиссии на театре военных действий по приказу генерала-адъютанта М.В. Алексева. Данным стихийным учреждениям предписывалось следующие указания:

- допускать похвальные отзывы, если только они не чересчур раболепны и приторны, во избежание подозрения публики, что они инспирированы;
- не допускать пренебрежительных отзывов о подарках, присылаемых в армию, что неудобно по отношению к тем, кто оказывает, как умеет, внимание армии;
- нежелательное помещение сведений об излишней величине войсковых обозов;
- нежелательное изображение в мрачных красках жизни гор. Харбина, производящего впечатление сплошного вертепа;
- нежелательное осуждение деятельности нашего консула в г. Чифу Тидемана³⁴.

Эти меры воспрепятствовали попаданию важной информации японским шпионам, которые мониторили российские СМИ, однако заделав малую «трещину», правительство оставило японским агентам целую прорву источников, содержащих сведения о передислокации армии. Целесообразность данных мер ставили под сомнения и самарская периодика, высмеивающая правительственную инициативу. «Мания скрывать какие-то

---

³³ Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб. 2003. Ч. 1. С. 441-442.

³⁴ Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб. 2003. Ч. 1. С. 432.

всему миру известные “тайны” доходит прямо до смешного. В газетах печатается Высочайший повеления о формировании новых частей для армии ген. Куропаткина и телеграммы министра Императорского Двора, где точно поименовываются идущие за Байкал войсковые части, а военный обозреватель опять лишен права называть эти части в своих статьях. На “краткое расписание сухопутных войск” и приказы по военному ведомству всякий желающий может подписаться за несколько рублей в книжном магазине главного штаба, и в это материале точно указаны все части ген. Куропаткина, вновь мобилизуемые и идущие на Восток войска; но производить извлечения из этих всем доступных изданий в газетах нельзя» <...> «Неужели японцы признаются недееспособными к производству арифметических действий?»³⁵.

Неудачи в войне, ухудшение и без низкого благосостояния народа породили шквал критики по отношению к действующей власти, что не могла не вызвать гнев николаевского правительства и августейшего императора в том числе. Упрёки лились со всех сторон. Если в начале конфликта власть укоряли представители революционных течений, то после сдачи Порт-Артура (16 декабря 1904 года) волну негодования пустили даже лояльные царскому правительству либеральные издания. «Однако трагические события русско-японской войны вызвали резкую критику власти в печати, она коснулась даже царя в статье о падении Порт-Артура, опубликованной А.С. Сувориным в своей газете “Русь”. В связи с такого рода выступлениями прессы министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский получил упрек от Николая II, указавшего ему на то, что тот «“распустил печать”»³⁶. Такая ситуация будет длиться до самого «Манифеста 17 октября» и выпущенного в дополнение к нему Указа «О временных правилах о повременных изданиях» от 24.11.1905.

---

³⁵ После падения Порт-Артура // Самарский курьер. 1904. 29 декабря. № 186. С. 2.

³⁶ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 188.

Таким образом, в преддверии военного столкновения цензура крепко держала российскую прессу, сильнее всего досталось прессе провинциальной. Последняя находилась под законодательным гнѐтом и произволом местной администрации (в лице губернатора). Всё поменялось в середине русско-японской войны, под покровом общенародного ресентимента, типографии начали тиражирование либеральных изданий, укоряющих верхи государства. Это движение приобрело столь массовый характер, что МВД и жандармерия не справлялись с объѐмом нелегальной печатной продукции. На фоне ужесточения цензуры (особенно на фронте) возросла роль нелегальной прессы.

Самым технологичным способом донести информация до населения являлось слово печатное. В начале XX века русские печатники освоили множество способов размножения печатной продукции любой сложности помимо типографического приѐма, на помощь приходили такие способы: литография, хромофотография, цинкография, металлография и фотография³⁷. Через выше перечисленное оборудование в свет выходили газеты, журналы, листовки, лубки. О состоянии этих видов прессы накануне войны мы поговорим в данном параграфе.

По утверждению специалиста-филолога С.Я. Махониной столичная пресса превалировала над провинциальной, впервые количественный рост провинциальных изданий начал обгонять лишь в годы Первой мировой войны. До этого время петербургская и московская газета не только господствовала в количественном отношении, но и качественном. Характерная черта всех местных изданий того периода — перепечатывание статей и колонок из центральных издательств.

На данный момент доподлинно известно число изданий выпускавшие свою печатную продукцию благодаря официальной статистке. Однако следует учесть, что имелись нелегальные издания, выходившие за рамки

---

³⁷ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 43.

государственного учёта. Были и обратные ситуации, когда издание регистрировалось, но за неимением подписчиков вскоре закрывалось так и не выпустив ни одного номера. Вернёмся к статистике. По официальным данным в 1901 году в Российской империи (без Финляндии) базировалось 1074 периодических органов из которых 900 на русском языке, на 26 ноября 1905 — 1795 из которых 1400 на русском³⁸. Колоссальное увеличение периодических изданий всего за четыре года Махонина связывает с событиями, происходящих в стране и в мире. «Количественный рост прессы находился в прямой зависимости от происходящих в стране событий. Первая русская революция дала толчок количественному росту газет и журналов в столицах, и в провинции. Многие города России в эти годы обзавелись своими частными газетами, которые могли противостоять губернским и епархиальным “Ведомостям” – местному правительственному и церковному официозу».

Характерно для СМИ в начале XX века преобладание частных изданий над правительственными. Большая часть выпускалась частными лицами, в то время как правительственные газеты и журналы издавались госучреждениями, ведомствами, органами центрального или местного управления, церковной администрацией. Распространялись в обязательном порядке и были лишены широкой публики в силу своего официоза и сухости изложения.

Газеты. Столичная газета того периода сосредоточена была в Санкт-Петербурге и Москве, провинциальная в губернских городах, в силу развитой инфраструктуры, да и читающая публика сосредоточивалась именно в крупных городских центрах. Столичные номера в провинции выписывались, и подписчик получал газетный номер по почте, работавшая из ряда вон плохо.

Махонина разделяет газеты на три группы, у каждой из которых есть своя специфика в целевой аудитории, цене и жанровых пристрастиях:

---

³⁸ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 39.

1. «Большие» — дорогие (8-12 руб.) и влиятельные газеты, аудитория которых составлена из образованной интеллигенции. В публикациях обсуждались насущные проблемы политики, экономики, литературы и различных научных изысканий;
2. «Малые» — газеты, небольшие по объёму и куда доступнее крупных изданий (4-5 руб.), ориентируются на широкий круг читателей. Большое внимание уделяют разнообразию контента. Часто перебирают со столичных газет статьи, рубрики и т.д.;
3. «Дешёвые» — качество таких газет было под стать цене — невероятно низкое (чуть более копейки). Такими карманными изданиями мог обзавестись любой подданный империи. Аудиторией становился любой грамотный, клюнувший на громкий заголовок, чем очень часто эти газеты грешили. Сердце их лежало всегда у уголовной хроники, будоражащая общественность, т.к. под хлестким заголовком о вопиющем преступлении газета быстро разлеталась³⁹.

Самыми распространёнными газетами начала XX века, были «Губернские ведомости», издававшимися в крупных губернских центрах. Это связано с попыткой центрального правительства расширить сферу влияния на дремучую провинцию. Точкой отсчёта для ведомостей считается 1838 г., когда в губернских поселениях появились свои «Губернские ведомости». В начале двадцатого столетия их насчитывалось 75, к 1911 — 81⁴⁰. Все ведомости имели 2 части: официальный и неофициальный отдел. В первом разделе публиковались циркуляры, сообщения, указы центральных органов управления. В том числе распоряжения местной администрации. В неофициальной печатались практические советы по ведению хозяйства, статьи об истории и географии края, объявления частных лиц.

---

³⁹ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 64–65, 70.

⁴⁰ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 24.

Впрочем, неофициальный отдел показал свою нежизнеспособность, и, если к середине XIX ещё котировался у публики, то в 1907 году неофициальный отдел во всех ведомостях был окончательно закрыт. Что интересно государство не оставило борьбу за умы интеллигенции, в будущем власть освоит более искусный метод борьбы: средства станут направляться на создание «частных» подвластных изданий⁴¹.

Интересное замечание о широкой публики и её культуре чтения газеты сделал публицист-народник С.Н. Кривенко, в котором не без испуга говорит о разрастающиеся тенденции прочтения лишь заголовков газетных полос в поиске «белого слона». «Газеты у нас читаются или, вернее, просматриваются по большей части на лету, между чаем и утренними делами, и главным образом для того, чтобы стоять в курсе дня. Прежде всего читатель ищет телеграмм или покойников, затем заглядывает в действия или распоряжения правительства, потом просматривает хронику и заголовки статей и отделов, чтобы не пропустить какого-нибудь “белого слона”, т.е. чего-нибудь выдающегося, сенсационного, о чем будут говорить⁴²».

Журналы. Газеты и журналы имеют различную функцию, однако оба издания отлично дополняют друг друга. Пока газета оповещает потребителя об актуальных событиях, журналы анализируют, обобщают и дают комментарии к информации из газетных сводок. К началу XX века утвердился жанр журналов-еженедельников на 4-5 страниц. В них давался комментарий к газетным материалам. Ещё одной особенностью журнального дела, рассматриваемого время было специализация еженедельников, отвечающая интересам узкого круга лиц: военные, медицинские, женские, детские, спортивные и т.д.⁴³.

---

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди // Избранные страницы русской журналистики начала XX века. М., "ЧеРо", 2001. — URL: http://az.lib.ru/k/kriwenko_s_n/text_0020.shtml — Загл. с экрана (Режим доступа: 14.05.2018).

⁴³ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 49.

В 1904 г. в России издавались 65 иллюстрированных еженедельников, причём 15 из них были первого года издания. Подавляющее большинство издавалось в Петербурге – 41, в Москве – 14, а на долю провинции приходилось всего 10 еженедельников (в Самаре ни одного)⁴⁴.

Листовки. Листовка — вид публикации, осуществленный на одной или нескольких страницах малого или среднего формата⁴⁵. Понятие «листовка» чётко различается с другим, казалось бы, похожим понятием «прокламация». Так Е.С. Петропавловский проводит водораздел между ними, где листовка — вид издания, а прокламация — содержание издания, имеющий агитационную подоплёку⁴⁶.

Большой популярностью листовочный формат пользовался у нелегальных революционных партий. Преимущество листовки были очевидны: дешевизна, лёгкость в размножении (могла быть переписана вручную), простота в распространения, лёгкость сокрытия революционной литературы от правоохранительных органов, за счёт малого тиража могли изменяться под изменяющиеся реалии, и малое количество текста отлично вписывалось в безграмотную массу.

Петропавловский также предлагает несколько видов классификаций листовочной литературе: кому адресованы и содержание.

Кому Адресованы:

1. Массовые — для определённых социальных групп (солдатам, крестьянам, рабочим, студентам);
2. Внутрипартийные — для членов партии;

Содержание:

1. Агитационно-пропагандистские (специально созданные для политической пропаганды в среде реципиента: призывы, воззвания, обращения);

---

⁴⁴ Там же. С. 50.

⁴⁵ Петропавловский Е.С. Листовки как источник при изучении истории КПСС. М., 1966. С. 34.

⁴⁶ Там же. С. 35.

2. Литературно-художественные (песни, фельетоны, карикатуры, рисунки, стихи, памфлеты и т.д.);
3. Нормативные документы (протоколы о работе, отчёты о деятельности, заявления, инструкции);
4. Информационные издания (объявления о предстоящих демонстрациях, собраниях, условиях подписки и т.д.)⁴⁷;

Часто эти жанры переплетались, так, например, агитационные материалы включали время проведения будущих забастовок, также многократно в агитации прибегали к художественным приёмам передачи информации (ища путь к сердцу крестьянину через рисунок или частушку).

Потому прибегнем к чёткой выраженной типологии исследователя современных вопросов психологической войны В.Г. Крысько, по жанрам: 1) информационные; 2) аналитические; 3) листовки-документы; 4) маскировочные; 5) обращения и письма военнопленных (или интернированных гражданских лиц); 6) листовки-пропуска; 7) листовки-лозунги и листовки-призывы. В зависимости жанрового оформления, листовки подразделяются на текстовые и иллюстративные. Текстовые бывают двух видов: публицистические и художественные. Структура же листовок меняется редко, потому имеет ряд характерных структурных элементов: заголовок, обращение, вступление, основной текст, концовку, подпись, ремарку, пропуск⁴⁸.

Лубок. Из периодики не только слово, но и картинка несла информацию. А этого сверхважно для страны, где основная масса населения безграмотна. Не стоит забывать и о важности визуальной информации, ведь до 80% всей информации мы приобретаем органами зрения. Задачу донесения визуальных сведений до потребителя в начале XX века выполнял

---

⁴⁷ Петропавловский Е.С. Листовки как источник при изучении истории КПСС. М., 1966. С. 37.

⁴⁸ Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 214–220.

т.н. лубок⁴⁹. Лубок был очень богат на жанры, и разнообразен по содержанию. В нём присутствовали сюжеты из жития святых, истории Отечества, сказок. Немалую долю составляли морально-нравственные пассажи, более подробно вопрос содержания раскрыл в своей брошюре посвящённой лубку В.Н. Денисов. «Священная история и житии святых; исторические события (в особенности войны) и легенды; повести и былины, сказки; пословицы и поговорки, как выражение народной мудрости; различные стороны быта: отношение к женщине и семье, к труду, к увеселениям и шутловству, к пьянству, к болезням и лечению, к суду (Шемякин суд), к иностранцам и т.д.»⁵⁰.

О масштабах распространения этого вида печатной продукции красноречиво вещает крупнейший книгоиздатель той эпохи И.Д. Сытин. «Каждый год мы продавали свыше 50 миллионов картин, и по мере развития в народе грамотности и вкуса содержание картин улучшалось. Насколько это предприятие разрослось, можно видеть из того, что, начавшись с одной маленькой литографской машины, оно потребовало затем напряженной работы пятидесяти печатных машин»⁵¹. Свыше 50 миллионов картин, чуть менее половины всех жителей империи на 1897 год. В чём же популярность этого предприятия? Ответ кроется в широком функционале лубочной картины. Во-первых, её использовали в целях просвещения в качестве наглядного материала для детей в школах. «Этот гигантский рост спроса объясняется, конечно, и тем, что с заказами к нам стали обращаться народные школы. Картины служили наглядными пособиями по географии, этнографии, биологии, истории⁵²». Во-вторых, лубок представляющий собой ярко раскрашенную во всех цветах радуги картинку, с его визуальной

---

⁴⁹ Лубок — липовая доска, на которой гравировалась картинка для печатания, а также простая и доходчивая, обычно с поясняющей надписью картинка такого изготовления (Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13488> — Загл. с экрана (Режим доступа: 17.05.2018))

⁵⁰ Денисов В.Н. Война и лубок. Петроград, 1916. С. 15.

⁵¹ Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 43.

⁵² Там же. С. 44.

простотой, понятностью сюжета, доступностью, дешевизной (1-25 копеек), обусловили большую популярность в крестьянской среде. В деревне, где такие городские блага, как газета и журналы были редки, лубок завоевал признание сельской среды. Крестьяне относились к лубку с трепетом и зачастую клали в красный уголок ближе к иконам, там он нёс службу выполняя две функции: 1) образ к которому крестьяне возвращаются снова и снова, ведь изображенное в лубке оставляло неизгладимое впечатление, а находясь у икон игривые фигуры въедались в память навсегда; 2) украшения жилища, пёстрая раскраска лубка всегда приковала внимание гостей и добавляло ярких красок в тяжёлую крестьянскую жизнь.

Как уже было расписано основным потребителем лубковой продукции было крестьянство. Они закупали лубки через офеней (бродячих торговцев), но основная масса лубки приобретала во время ярмарок. Интеллигенция же пренебрегало этим источником информации, даже брезговало использовать в качестве украшения дома. «Народническая публицистика 60—80-х годов, видевшая в нём потакание невежеству и предрассудкам народа, спекуляция на его тёмных инстинктах»⁵³. Критиковала лубочные издания в рамках источника информации о Русско-японской войне и Самарская пресса, но об этом в следующей главе.

Лубки в начале XX века имели две прочные тенденции: коммерциализацию и трансформацию в плакат. Лубки или «народные картинки», имеют истоки городской культуры, потому называть лубок народным творчеством, как поговорки или сказки, нельзя. Лубочное дело к 1904 году прошло этап коммерциализации и становилось источником не только народной любви, но и больших денег для производителей. Сами же издатели улавливали настроение народных масс для выпуска товара в соответствии с чаяниями широких слоёв населения. По мнению Денисова, лубки не «народные картинки», а «картинки для народа». «Для этого в лубке слишком много посторонних влияний, как своего городского, так и сильной

---

⁵³ Денисов В.Н. Война и лубок. Петроград, 1916. С. 15.

степени, и иноземного искусства. <...> Будет правильно считать его искусством для народа, а не народным. <...> Это тем более применимо к лубку современному, который является уже целиком произведением города и только продиктованным вкусами, мыслями и чувствами народа, удовлетворяющим его спросу»⁵⁴.

А.О. Буранок выдвигает мысль, что с 1880-х лубок начал срашиваться с плакатом, этому процессу способствовали некоторые факторы, приведшие к данному результату. «Обострилась торговая и промышленная конкуренция в капиталистическом хозяйстве; происходит интенсификация общественно-политической и культурной жизни (рост числа зрелищных учреждений, промышленных и художественных выставок, массовых митингов и манифестаций и др.) – всё это способствовало росту значения плаката, в первую очередь рекламного, а затем и политического, ибо возрастающую остроту социальных противоречий легче всего было выразить в ярком цветном рисунке и “хлёткой” фразе под ним»⁵⁵. Буранок не с проста отделяет рисунок и «хлёткую» фразу. В действительности эти структурные элементы играли амбивалентную роль в лубке, одновременно дополняя друг друга, и играя самостоятельную роль. На первый взгляд может показаться, что подпись лишь объясняет для незадачливого крестьянина сюжет иллюстрации, но исследователь русской культуры Ю.М. Лотман, проанализировав лубочное искусство нашёл иную корреляцию между частями лубка. «Словесный текст и изображение соотнесены в лубке не как иллюстрация и подпись, а как тема и её развертывание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действие»⁵⁶.

---

⁵⁴ Денисов В.Н. Война и лубок. Петроград, 1916. С. 6.

⁵⁵ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 71.

⁵⁶ Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России. М., 1976. С. 251.

Но вернёмся к проблеме срачивания лубка и плаката. К началу войны русский крестьянин не имел ни малейшего представления о враге. Этот пробел пытался заполнить лубок, носивший в себе оттенки шовинизма, ксенофобии и крайней жестокости. Несмотря на форму подачи информации, рациональное зерно в срачивании имелось. Лубки доходчиво объясняли простому солдату кто есть враг — «желтолицый нехристь», сочившийся хитростью, вероломством и коварством. Сюжеты исполнялись самые разнообразные: баталии, насмешки над расовыми «недостатками», укор в вероломстве, намёки на пестование Японии Западными державами (Великобритания и США). Количество выпущенных лубков, посвящённых войне велико, и любимой фабулой для лубка становился расовый подтекст. А.К. Кожевникова отвечает на два вопроса: кто выпускал и сколько выпустил лубочных картин военной тематики. «Акцент на расовую характеристику японцев делал сатирический лубок, выпускавшейся по большей части издательством И.Д. Сытина, на типографию которого приходилась основная масса таких картинок: за 1904–1905 гг. литографическая мастерская И.Д. Сытина напечатала около 53 миллионов листов на тему Русско-японской войны»⁵⁷. Этих картинок могло быть в разы больше, однако неудачи на море и суши сбили спесь с художников. Как отмечает Буранок основная масса лубков вышла в 1904 году, а к 1905 году их число стало ничтожным по сравнению с предыдущим. Последней каплей стала сдача Порт-Артура⁵⁸. С тех пор лубок замолчал, завершив этап бравурных картинок. Такая тактика характерна была не только для Русско-японской войны, в Первую мировую войну эта история вновь повторилась. «Глядя, как падает враг под ударами наших солдат, как бегут его полчища от лихой атаки казаков, всё больше проникалась деревня уверенностью в скорой победе. И чем более близкими

---

⁵⁷ Кожевникова М.В. Два взгляда на одну войну: японская гравюра «сэнсо-га» и русский лубок на тему войны Японии и России 1904–1905 гг. из коллекции самарского общественного деятеля А.К. Клафтона. Самара, 2008. С. 16.

⁵⁸ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 75.

казалось сокрушение врага, тем смелее и заносистее становится лубок. <...> Но как только началось обратное движение из Галиции, остепенился лубок, а потом и вовсе замолк. Теперь многие находят в нём излишне и напрасно хвастливым...»⁵⁹.

Слухи. Важность этого источника в большой и безграмотной стране сложно переоценить. Однако этот вид устной информации сложно поддаётся учёту. Какая же информация может стать слухом? На этот вопрос мы обратимся к В.Г. Крысько, информация становится слухом при выполнении одного из трёх условий: 1) любая информация станет слухом если являлась значимой для объекта воздействия; 2) если информация была понята всеми участниками процесса трансляции слуха; 3) если обладание информацией повышало репутацию транслятор слуха.⁶⁰

В.Г. Крысько классифицирует слухи по трём параметрам (экспрессивный, информационный, степень влияния на психику людей), в каждом из них выделяя типы слухов.

- 1) По экспрессивному параметру:
  - а) слухи-желания (цель слуха вызвать апатию, разочарование в несбывшихся желаний и в конце концов деморализовать объект);
  - б) слухи-пугала (инспирировать чувство тревоги);
  - в) разобщающие агрессивные слухи (цель создать условия для разобщения в стане противника).
- 2) По информационному параметру:
  - а) слухи абсолютно недостоверные;
  - б) частично достоверные;
  - в) правдоподобные слухи.
- 3) По степени влияния на психику человека:
  - а) будоражащие общество, но не вызывают ярко выраженного недовольства;

---

⁵⁹ Денисов В.Н. Война и лубок. Петроград, 1916. С. 3-5.

⁶⁰ Крысько В.Г. Секреты психологической войны. Минск, 1999. С. 326.

- б) вызывающие антиобщественные настроения у определённой части одной из социальных групп;
- в) Нарушают социальный порядок и нарушают общественную организацию через массовое неподчинение⁶¹

Следует ещё отметить особенность слухов, точнее реципиентов слухов. Позитивная новость не так активно обсуждается, как негативная. Негативную комментирует куда охотнее, и распространяют с большим удовольствием и куда энергичнее.

Хотелось бы отметить ещё два стихийно созданных субъектов процесса информационной циркуляции в российском обществе: военные корреспонденты (военкоры) и информационные агентства.

Военкоры — это явление военного времени. Журналисты со всего света устремились в горнило конфликта для независимого или политически ангажированного освещения событий в Маньчжурии. Известно точное число делегаций, отправившихся на Восток, а также их социальный состав и точные имена. «При маньчжурских армиях России пребывало 102 русских и 38 иностранных корреспондентов. Среди иностранных военных корреспондентов было: англичан — 11, французов — 9, американцев — 9, германцев — 4, австрийцев — 4, датчан — 2, итальянцев — 1 и греков — 1.»⁶². «В числе 102 русских военных корреспондентов было: офицеров действительной службы — 46, гражданских чинов — 4, врачей — 1, студент-медик — 1, студентов-переводчиков — 2, сестра милосердия — 1, лиц разных званий — 47.»⁶³.

В качестве военкоров на фронт отправились именитые писатели двадцатого столетия, не раз печатавшихся в крупных столичных изданиях. «Среди военкоров были известные писатели того времени: Н.Г. Гарин-Михайловский («Русское слово»), В.И. Немирович-Данченко («Восточное обозрение», «Русские ведомости»), В.А. Апушкин («Правительственный

---

⁶¹ Крысько В.Г. Секреты психологической войны. Минск, 1999. С. 322–326.

⁶² Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб. 2003. Ч. 1. С. 424.

⁶³ Там же. С. 436.

Вестник», «Русский Инвалид», «Journal de St. Petersbourg»), Ю.Л. Елец («Новое Время»), В.Л. Кигн-Дедлов («Новое Время»). Визуальный ряд в печатных изданиях, помимо известного художника В.В. Верещагина, должны были представлять следующие фотографы и художники: В.К. Булла, С.М. Чернов, И.К. Симович, Сафонов, И.М. Ставский, В.А. Табурин, Regis Deugas, С.Н. Россолимо»⁶⁴.

Информационные агентства. В качестве субъекта коммуникационной деятельности к началу XX века выступило российское информационно агентство. Учреждение этих организации связано с появлением телеграфа. Появление информбюро стало логической точкой в превращении информации в товар. Они занимались «сбором, обработкой и снабжением информацией газет, журналов, издательств, правительственных учреждений, финансово-торговых организаций и т.п.»⁶⁵.

На тот момент существовали информбюро в Германии — агентство Вольфа, во Франции — ГАВАС, позднее ставшее Франс-пресс (фр. Agence France-Presse), в США — Ассошиэйтед Пресс (англ. Associated Press), в Англии — Рейтер (англ. Reuters). В России окончательно основание центрального телеграфного агентства состоялось лишь в 1904 году. «По предложению премьера С.Ю. Витте члены его Кабинета ставят вопрос о придании ТГА статуса единственного официального телеграфного агентства в России. Так, 21 июля 1904 года состоялся доклад П.Н. Дурново Николаю II о реорганизации ТГА, и 1 сентября 1904 года оно было преобразовано в большое политическое торговое телеграфное агентство под названием «Санкт-Петербургское телеграфное агентство»⁶⁶. К 1904 году телеграфные агентства стали главными поставщиками информации для прессы.

---

⁶⁴ Айрапетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905: Взгляд через столетие: Международ. ист. сборн. / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 345–354.

⁶⁵ Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1. С. 475.

⁶⁶ Там же. С. 486.

Таким образом, в Российской империи существовало несколько источников информации, откуда подданные могли получить свежие новости о происходящем в Маньчжурии. От печатных изданий до старых-добрых слухов. Сказать какой источник сильнее всех повлиял на формирование негативного образа войны не представляется возможным. Каждый источник информации уникален, и имел ряд признаков, свою специфику и публику. Газеты и журналы — для интеллигенции, лубок и слухи — для безграмотной публики. Листовки — универсальны, и могли предназначаться для любого читающего гражданина. В начале XX века помимо социально-экономических факторов, создающие условия для формирования массовой культуры в России, нельзя не отметить главных распространителей этого культурного феномена — печатную продукцию, интегрирующая всё больше городов и деревень в единую систему ценностей.

1.2. Потенциал Самарской губернии в обеспечении населения информацией о войне

В этом параграфе мы рассмотрим издательства, которые выступали в роли коммуникаторов в самарском обществе, передавая важную информацию о войне. Охарактеризуем их и выведем определённые закономерности в развитии провинциальной прессы.

Ранее нами уже было отмечено, что провинциальная пресса находилось в более тесных цензурных рамках. Но в общем, самарской прессе были свойственны тенденции, происходящие в общероссийской печати: 1) господство частных изданий над правительственными; 2) преобладание газет над журналами; 3) низкий спрос на правительственные издания. Однако удалённость губерний от столицы и низкий уровень культуры в провинциальном обществе стали ингибиторами в развитии провинциальной печати, намеченных в XX веке.

В газете главный информационный материал, она является бумажным воплощением информации, потому для успешного развития издания необходимы идеи, актуальные новости, источники новых сведений, т.е. контент, пользующийся спросом у потребителя. Но печатная продукция состоит отнюдь не только из духовного элемента. Для выноса идеи на бумагу требуется материал, а если требуется распространить данные, то необходимо оборудование для копирования.

Материальной основой газет — бумагой, Самара была обеспечена из соседних губерний. «В Самарской губернии преобладала привозная бумага, в основном — производства пензенской фабрики П.В. Сергеева и симбирской фабрики графа Г.И. Рибопьера»⁶⁷. В вопросах заведений, выполнявших функцию печати (типографии, литографии, фотографии, металлографиях), Самарская губерния была самодостаточна. На 1903 год таковых имелось 57 штук⁶⁸. Первая типография появилась в 1853 году при реорганизации Самары в губернский город. Владельцами типографии могли выступать либо губернские власти, либо земства, либо частные лица⁶⁹. Для каждой типографии в последствии сформировался свой список заказчиков, пользовавшихся услугами печатного станка. Ниже будет представлен список того, что печатали типографии в зависимости от владельца конторы:

1. Губернские — «местные губернские ведомости, бесплатного разного рода бланки, циркуляры, журналы и тому подобное для губернского правления, канцелярии губернатора, статистического комитета, полицмейстера, различных благотворительных обществ г. Самары; правительственные распоряжения, обязательные постановления земств и городских управ, списки присяжных заседателей, списки гласных, объявления о розыске лиц, имений,

---

⁶⁷ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начало XX вв.). Самара, 2008. С. 251.

⁶⁸ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 80.

⁶⁹ Алабин П.В. Самара: 1586 — 1886 годы / Вступительная статья и составление П.С. Кабытова. Самара, 1991. С. 277.

капиталов и тому подобное»⁷⁰. Там же печатались и выпуски «Самарских епархиальных ведомостей».

2. Земские — «Деятельность земской типографии состояла и состоит в печатании постановлении уездных и губернского земских собраний, а также в случае заказов и других губерний, — отчётов управ, сметы и раскладок, а также разных бланков для управ и по заказам, равно отдельных изданий»⁷¹.
3. Частные — состояли при крупных газетных изданиях. Могли выполнить заказы частных лиц, а также органов местного самоуправления.

В Самарской губернии на 1904-1905 года выходили следующие легальные издания:

1. Газеты: «Самарские губернские ведомости», «Самарский курьер», «Самарская газета», «Самарский листок объявлений».
2. Журналы: «Самарские епархиальные ведомости», «Врачебная хроника Самарской губернии», «Сведения о ветеринарно-санитарном состоянии Самарской губернии»⁷².

Стоит сказать о важном критерии, определяющий уровень успешности издания — тираж. Местная газета тиражировалась в размере нескольких тысяч, в то время как столичная перевалила 100-тысячный порог. О доминировании столичных изданий красноречиво иллюстрирует факт их проникновения в губернию, конкурируя с местной печатью за самарских читателей.

Далее мы подробно рассмотрим газеты и журналы Самары, представляющий интерес в нашем исследовании, а именно освящающих Русско-японскую войну.

---

⁷⁰ Там же. С. 280.

⁷¹ Там же. С. 282.

⁷² Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров Н.М. Библиография периодических изданий России 1901–1916 гг. Т. 4: Указатели. Л., 1961. С. 173.

«Самарские епархиальные ведомости» — старейшая газета в губернии, издавалась с 1852 по 1918 гг. выходила два раза в недели. Была рупором правительственной пропаганды, отражала официальную точку власти на события. Как и все «ведомости» делилась на 2 части: официальную и неофициальную. Какой-то специфики по содержанию в Самарских ведомостях в отличии других газет данного типа не было. Официальная часть: правительственные сообщения, распоряжения губернской администрации, кадровые перестановки и т.д. Неофициальная: советы по хозяйству, история края, географические очерки губернии, объявления и т.п. С началом войны неофициальная часть пестрила колонками военной тематики: корреспонденция с театра войны, биография и некрологи участников войны, деятельность Российского Общества Красного Креста, Списки раненных и убитых уроженцев.

«Самарский курьер»⁷³ — издавалась в Самаре короткий срок 1904-1906 гг., по политическому спектру больше относилась к либерально-демократическому направлению. В ней часто публиковались статьи, освещающие о крестьянской проблеме и поиску решения крестьянского вопроса⁷⁴. О либерализме газеты и говорит её отношение к женщинам, так от лица редактора поступала предложение брать в типографию женщин⁷⁵. Основные рубрики: телеграммы «самарского курьера», общая хроника, война, фельетон, местная хроника, маленькая хроника, на волге, среди газет и журналов, самарские наброски, по уезду, письмо в редакцию, наша корреспонденция, по России, иностранные известия, смесь, библиография, наука литература и культура, торговый отдел, торгово-промышленный отдел, заседание думы, иностранные известия, судебная хроника, судебный указатель, приволжская хроника, беглые заметки, реклама, театр и музыка. На базе «Самарского Курьера» в 1906 году была образована газета «Волжское слово».

---

⁷³ В дальнейшем будет использовано сокращение — «Самкур».

⁷⁴ Что такое крестьянский вопрос? // Самарский курьер. 1904. 1 декабря. №. 161. С. 2.

⁷⁵ Насущный вопрос // Самарский курьер. 1904. 20 августа. № 61. С. 2.

«Самарская газета»⁷⁶ — выпускалась с 1884 года тиражом до 2 тысяч, номера выходили ежедневно Цена подписки 6 руб. 5 коп. В целом носила печать либеральных настроений, но испытывала влияние эсеров, т.к. один журналист под псевдонимом «Молот» (Э.И. Павчинский) являлся лидером самарских эсеров. Газета часто конфликтовала с местной властью, регулярно выпуски «Самарской газеты» заклеивались белыми полосами⁷⁷. А в 1903 году к газете были применены штрафные санкции: «На основании ст. 154 Уст. о ценз. и печ., Св. зак., т. XIV, изд. 1890 г. министр внутренних дел определил: приостановить издание “Самарской газеты” на три месяца»⁷⁸. Сами же работники редакции участвовали в забастовках. А также тайно сотрудничали с эсерами, печатая на своих станках нелегальные газеты социал-революционеров. В целом газета консервативна по формату, рубрики повторялись и за весь рассматриваемый нами период не претерпели каких-либо изменений. Стоит отметить конфликты между Самарским курьером и Самарской газетой, на почве воровства последней у Самкура материалов без разрешения и указания источника перепечатки⁷⁹. Споры случались и из-за разности мнений журналистов обеих газет⁸⁰.

«Самарский епархиальные ведомости» — издавались с 1867 года, старейший журнал на самарской земле. Ведомости отражают взгляды РПЦ и местного духовенства. По аналогу «Губернских ведомостей» состоял из официальной и неофициальной части. Официальная: распоряжения Синода, кадровые перестановки в епархии. Неофициальная включала ряд постоянных рубрик: «Школьный отдел», «Церковная жизнь в других епархиях», «Миссионерский отдел», «Библиотека священника», «Речи и проповеди», «Епархиальная хроника», «Пастырская жизнь и деятельность», «Литературный отдел», «Некрологи», «Смесь». Русско-японская война не

---

⁷⁶ В дальнейшем будет использовано сокращение — «Самгаз».

⁷⁷ Самарская газета. 1905. 14 апреля. № 80. С. 2.

⁷⁸ Патрушева Н.Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. СПб. 2011. С. 238.

⁷⁹ Самарский курьер. 1904. 13 июля. № 27. С. 2.

⁸⁰ Об отрядных явлениях // Самарский курьер. 1904. 22 августа. № 63. С. 3.

поменяла режим «ведомостей», а лишь органично включилась в уже существующие рубрики, так сведения о войне стали частью рубрики «Церковная жизнь в других епархиях». Новости о войне больше связаны с проблемами: священника на войне, жертвенности, защиты Отечества, веры в Бога. Тема войны совершенно не была ведущей в журнале, сначала издание касалось проблем всей РПЦ, дальше конкретной епархии, лишь потом шли светские сюжеты, каким и представлялся конфликт с Японией. Но даже война рассматривалась через призму религии и церкви, причина такой отрешенности находит А.О. Буранок. «Такое положение вещей вытекает, скорее всего, из целей издания. “Самарские епархиальные ведомости” в своих заметках и сообщениях на военную тему были призваны не столько информировать читателя, сколько поучать, направлять на путь истинный. Все такие материалы служили укреплению формулы “за веру, царя и отечество”. Церковь была мощным институтом укрепления самодержавия, и журнал осуществлял официальную пропаганду»⁸¹.

Листовки. Агитационно-пропагандистские материалы, выпущенные Самарскими комитетами РСДРП(б) и эсеров. По структуре все листовки имеют: вступление, основной текст и концовку. Написано весьма лаконично, доходчиво и простым языком. В листовках разоблачается грабительский характер войны, её бессмысленность. Виновниками войны выступают всегда чиновничество, капиталисты, правительство империи и самодержавие. Большинство листовок в «концовке» выдвигают ряд политических и экономических требований, ярко тому пример листовка эсеров «К ответу»:

1. Все народы могут жить в едином гос-ве вместе с русскими на правах автономии, а могут жить суверенно;
2. Провести Всероссийский земский собор, который должен установить:
  - а) — Свобода слова, печати и собраний;
  - б) — Выборное управление;

---

⁸¹ Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-yaponskaya-voyna-na-stranitsah-samarskih-eparhialnyh-vedomostey> — (Дата обращения: 09.05.2018).

- в) — Вместо армии народную милицию;
- г) — Общее бесплатное народное образование;
- д) — Личная неприкосновенность;
- е) — Провозгласить всеобщее равенство перед законом;
- ж) — Все подати заменяются на единственный подоходный налог;
- з) — Вся земля переходит в государственную собственность и распределяется между теми, кто её обрабатывает⁸².

Все листовки РСДРП(б) оканчивались лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», у эсеров — «В борьбе обретёшь ты право своё». Лозунги эсеров были куда радикальнее («Свобода, равенство, братство!», «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!», «Долой царский произвол! Да здравствует народная воля!», «Будет! Не хотим! Не пойдём на войну! Долой царский произвол и насилие!», «Смерть царизму! Да здравствует революция! Да здравствует народная воля!»), чем у социал-демократов («Долой войну! Долой капиталистов! Долой самодержавие! Да здравствует народное правление! Да здравствует Российская социал-демократическая партия!»). Листовки эсеров куда изощрение пропагандировали революционные идеи. Они использовали эффект «своего мужика», используя в прокламации бытовой сюжет, деревенскую байку или поучительную историю в качестве вступления. Тем самым добиваясь внимания крестьянской среды. В конце листка революционеры ставили подписи партийной печатью, что делало документ легитимным в глазах крестьянства, воспринимающее печать как знак власти.

Слухи. Сведения о слухах зарегистрировал орган Самарского губернского жандармского управления. В своих рапортах правоохранители часто отмечали распространения слухов в крестьянских массах различного толка. В октябре 1904 г. был известен слух о том, якобы император Японии просил мира, но царь отказал⁸³. Летом 1904 года разошёлся слух о

⁸² К ответу // Источник: Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450. Т. 4 . Л. 212.

⁸³ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 358. Л. 110.

перераспределении помещичьей земли в пользу крестьян⁸⁴. А с началом революции эти слухи превратились в явь, крестьяне громили поместья и самовольно захватывали землю ссылаясь на «царские манифесты»⁸⁵.

Следует подчеркнуть, что слухи были распространены в крестьянской среде, и часто отражали их надежды и чаяния. Особой популярностью пользовались слухи «разрешавшие» погромы и захваты территорий, часто слухи формировались под влиянием антиправительственных листовок. Помимо слухов в народе гуляли различные толки, разговоры, речи, отражавшие недовольство войной и существующем строем.

Подведя итоги главы, можно утверждать, что рынок печатной продукции в России начала XX века был весьма разнообразен. Здесь присутствовали газеты, журналы, иллюстративные материалы, даже нелегальные листовки. Все виды находились под неусыпным цензурным контролем государства, выраженным в «Уголовном уложении 1903 года» и «Уставом о цензуре и печати 1890 года». В качестве новинки в информационном обеспечении населения можно отметить Санкт-Петербургское телеграфное агентство оформившийся в 1904 году. Но основная доля в обеспечении приходилась на традиционные источники информации: газеты, журналы и лубки. На общероссийском уровне пресса имела ряд характерных черт: 1) господство частных изданий над государственными, 2) преобладание газет над журналами, 3) равнодушие к печати властных структур. Провинциальной пресса развивалось в том же направлении, что и столичная, но с опозданием в следствии объективных причин (малый охват аудитории из-за тотальной безграмотности и удалённости от источников модных тенденций), однако самарская пресса поступательно развивалась и имела свои издания, как официальные, так и частные, способные удовлетворить спрос Самаркой губернии в сведениях о войне. Официальную точку зрения власти в Самаре представляли:

---

⁸⁴ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 357. Т. IV. Л. 39.

⁸⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 358. Л. 130.

«Самарские губернские ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости». Легальные издания были либерального толка, в Самаре они представлены «Самарским курьером» и «Самарской газетой». Нелегальные издания имели быть в это время, эту нишу заполнили листовки революционных партий, социал-демократы и социал-революционеры. Несмотря на наличие печатной продукции, нельзя отметить роль слухов в снабжении сведений о войне и их влияние, по большей части, на крестьянскую массу.

Глава II. Трансляция сведений о Русско-японской войне основных поставщиков информации Самарской губернии в сельской и городской среде

2.1. Снабжение информации о войне в крестьянской среде

Прежде чем приступить к разбору восприятия информации самарским крестьянством, следует кратко охарактеризовать положение рассматриваемого сословия. Это необходимо для понимания реакции крестьян на новости, циркулирующих в сельской местности. Мы рассмотрим лишь некоторые параметры самарской деревни в начале XX века: образовательные возможности, экономическое благосостояние, морально-нравственный облик. На основе обширной историографии мы дадим очерк общей картины политической и социально-экономической жизни самарского крестьянства.

На 1 января 1903 года население Самарской губернии составляло 3 091 263 человека обоего пола, из них: в городах проживали 171 096 человек и в уездах – 2 920 167 человек; доля крестьян – 93,8%⁸⁶.

Таблица 1

Состав личного частного землевладения в 1905 г. по Самарской губернии

Владельцы	Число владений		Земли, тыс. десятин	
	кол-во	%	кол-во	%
Дворяне	810	15,4	926,0	29,5
Купцы и мещане	1 275	24,3	1 352,9	43,1
Крестьяне	3 049	58,0	803,0	25,6
Прочие	123	2,3	55,9	1,8

⁸⁶ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 127.

Итого	5 257	100	3 137,8	100
-------	-------	-----	---------	-----

Источник: Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981. С. 85.

Из таблицы 1 видно, что подавляющее число землевладений находились на руках у крестьян (58%), дворянское же было в меньшинстве. Однако большая часть земельных угодий принадлежала купцам и мещанам (43,1%), следующими в списке были дворяне (29,5%), удельный вес земли, принадлежавшей крестьянам был низок.

В начале XX века в крестьянской среде происходили процессы, связанные с развитием капитализма в России, а именно расслоение крестьянского сословия по экономическому признаку. Помимо бедняков и середняков стали появляться, т.н. кулаки. В результате имущественного расслоения обстановка в деревне была накалена: помимо противоречий между крестьянами и помещиками, обострились взаимоотношения между кулаками и остальным крестьянством.

Таблица 2

Средний семейный надел по Самарской губернии в 1905 г.

Категория крестьян	Кол-во десятин
Бывшие помещичьи	7,0
Бывшие удельные	13,8
Бывшие государственные	22,8
Колонисты	33,0

Источник: Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981. С. 80.

Из таблицы 2 можно увидеть неравномерность распределения десятин земли между различными слоями крестьянской массы. Хорошую обеспеченность землёй имели государственные крестьяне, а немцы-колонисты наиболее высокие показатели.

Таким образом в экономическом плане крестьяне в Самарской губернии были самым бедным сословием и страдали «детской» болезнью общероссийского крестьянства после отмены крепостного права — малоземельем. Сильнее всего страдали от данного недуга бывшие помещичьи крестьяне.

Теперь обобщим данные, касающихся проблемы просвещения в деревни и уровня образования в самарской деревне. Это позволит понять на какие источники информации опирались крестьяне.

Таблица 3

**Уровень грамотности населения Самарской губернии
(по вероисповеданию)**

Характер вероисповедания	% грамотных	
	Мужчины	Женщины
Православные	27,2	7,8
Старообрядцы	33,5	13,4
Римско-католическое население	42,8	44,3
Лютеране	68,8	68,9
Иудеи	66,0	47,2
Магометане	26,3	23,3

Источник: Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 116.

Данные о конфессиональной принадлежности коррелируются с процентом грамотных. Самыми грамотными обозначаются немцы-колонисты, исповедующие лютеранство и католичество. На уровне с ними идут иудеи. В аутсайдерах находятся коренное православное население и представители малых народов (мордва, калмыки, татары, башкиры), пребывающие в лоне исламского вероисповедания. Как отмечает Л.В. Храмов: «Население края было отсталым в культурном отношении. Свыше

70 процентов жителей не знали грамоты. Среди женщин только 12 из 100 умели читать и писать»⁸⁷.

Самарская губерния занимала 31 место из 50, показывая среднее значение. Основная масса безграмотных приходилась на сельскую местность, однако в начале XX века наметился рост грамотности в селе. Это связано с активным проникновением капиталистических отношений в деревню, задающих новый образовательный стандарт, и деятельностью земств в области просвещения.

Сюда же можно добавить печальную статистику касаясь грамотности солдат. Журналисты самарского курьера приводят число в 45%, в то время как в Европе многие страны имеют 100% показатель грамотности среди новобранцев. «Как ни значительны, однако, труды земств в деле народного образования, до сих пор даже только в Европейской России грамотность все ещё низка и число грамотных, из призываемых на военную службу, достигает лишь 45 человек из ста, т.е. более половины новобранцев все ещё неграмотны»⁸⁸.

Кроме очевидной безграмотности в российской деревне существовала интересная тенденция. Крестьянское сословие активно дифференцировалось и помимо упомянутых нами кулаков, середняков и бедняков, в деревне образовывалась новая прослойка, т.н. «умные люди». Как правило, это крестьяне-отходники, учителя, студенты, и другие представители сельской интеллигенции. Путешествуя они набирались опыта, обрастали связями, попутно обучаясь различным ремёслам. Эти люди вносили в крестьянскую жизнь элемент сознательности. Для более подробной характеристики следует обратиться к П.С. Кабытову. «Им было присуще стремление не только найти истину в книгах и газетах, но и реализовать ее в конкретных делах: прежде всего, им был ненавистен реальный строй экономической и общественной

---

⁸⁷ Храмов Л.В. Самарский край в истории России. Самара, 2005. С. 144.

⁸⁸ Самарский курьер. 1904. 16 июля. № 30. С. 3.

жизни, а потому в их действиях было явственно желание к переустройству существующего порядка вещей. Именно среди этой части преобладали радикальные настроения, которые проявлялись в ходе классовой борьбы»⁸⁹. По возвращении в родное село, отходники вызвали живой интерес у односельчан, те собирались вокруг вернувшегося и слушали истории о иных местечках, забастовках, и заведённых порядков на фабриках. К тому же «умные люди» охотно делились своими комментариями по поводу прочтённых газет, журналов и листовок. «Умные люди» являлись своеобразными переносчиками слухов, а отходники связывали несколько деревень в единую информационную сеть, где аккумулировали слухи. Мы делаем вывод, что листовки революционных партий были направлены именно «умным людям», и этой адресности есть ряд оснований:

1. Крестьяне в большинстве случаев не грамотны (лишь 21% по данным Самарской губернии), а листовки несли информация в текстовом варианте. Лишь 20% крестьян могли ознакомиться с содержанием прокламации, да и то с трудом, несмотря на наличие навыков грамотности многие читали медленно, по слогам.
2. Крестьяне весьма консервативно настроена, в то время как «умные люди» склонялись к левым идеям, что облегчало леворадикальным партиям индоктринацию революционных основ в умы отходников.
3. «Умные люди» за свою образованность пользовались большим доверием в своём селе, что увеличивало шансы на успешную пропаганда левых взглядов в деревне. Параллельно с этим к чужакам или пришлым агитаторам относились подозрительно и не редко сдавали в охранку.

Таким образом, социалисты в мирное время больше ориентировались на «умных людей», т.к. для их вербовки требуется меньше средств и времени в силу их образованности и врождённой склонности к левым течениям.

---

⁸⁹ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999. С. 37.

Завербовав такого крестьянина тот сам пойдёт агитировать в родное село на идейных началах. А доверие со стороны односельчан лишь разожжёт пламя антиправительственных настроений в сельской местности.

Однако с развитием товарно-денежных отношений и социальным потрясениям деревня подвергалась многопрофильным метаморфозам. Бескорыстная помощь сменилась наймом, экономическое равенство сменилось имущественным расслоением и увеличивающийся пропастью между бедняками и кулаками. Традиции пошатнулись, а самодержавие израсходовало кредит доверия. Вот как описывает деревню начала XX века В.Б. Безгин: «Социальные потрясения начала XX в., возросшая мобильность сельского населения, падение авторитета царской власти ломали иерархию привычных ценностей крестьянского мира. Разлагающий дух нигилизма проник в оплот общественного консерватизма – русскую деревню. Вполне закономерно, что веяния модерна в первую голову захватили сельскую молодёжь. За чисто внешними проявлениями: показным безбожием, щегольством, критикой власти угадывалось большее, возникший нравственный изъян. То, что ещё вчера было исключением, становилось явлением повседневной жизни села»⁹⁰.

Несмотря на поступательное развитие рыночных отношений в государстве и их вторжения в крестьянскую действительность. Крестьяне несли отпечаток прошлых веков: набожность, сплочённость членов общины, низкий уровень грамотность, малоземелье, поддержка самодержавия, неукоснительное исполнение традиций. Некоторые из выше представленных черт законсервировали крестьянский менталитет, став гарантом их стабильности. Но так не могло вечно продолжаться. В начале XX века даже крестьянский менталитет начал корректироваться в соответствии с духом времени, менявшийся под натиском динамически перестраивающегося

---

⁹⁰ Безгин В.Б. История крестьянской повседневности (традиции конца XIX – начала XX века). – URL: <http://window.edu.ru/resource/820/21820/files/bezgin.pdf> — (Дата обращения: 17.04.2018.).

экономического уклада. Продуктом такой корректировки стали «умные люди» активно распространявшие во время войны нелегальную литературу, добровольно ставшие проводниками радикальных идей. Крестьяне, которым был свойственен традиционный уклад жизни, жившие в рамках уваровской формулы «православие, самодержавие, народность» полагались на другие источники информации: лубок, проповеди и слухи⁹¹. Именно таким крестьяне в своей массе предстают перед нами на рубеже веков. И именно такой социальный типаж станет основным потребителем информации о войне в деревне.

Вероломное нападение японской эскадры на корабли «Варяг» и «Кореец» с 26-го на 27-ое января 1904 года, вынудило императора Николая II издать манифест об объявлении войны Японии. В нём Николай подчёркивает нарушение международных правил войны, в будущем тема коварства японцев будет муссироваться в прессе с невероятной частотой. Таким образом, император сам подал идею для сюжета патриотическим изданиям и лубкам.

«Не предуведомив о том, что, перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура. По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии. Объявляя о таковом решении Нашем, Мы с непоколебимою верою в помощь Всевышнего и твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества, призываем благословение Божие на доблестные

---

⁹¹ Буранок А.О. Устная информация о Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-informatsiya-o-russko-yaponskoy-voyne-v-voSPIriyatii-samarskogo-krestyanstva> — (Дата обращения: 05.05.2018).

Наши войска армии и флота»⁹². Царская грамота зачитывалась во всех приходах, церквях, размещалась в центральной и провинциальной прессе. Царское правительство быстро донесла до населения факт войны, однако кто такие японцы и где эта Маньчжурия крестьяне не имели ни малейшего представления.

О назревающем конфликте не знали даже многие высшие сановники, чего уж говорить о непосвящённых крестьянских массах. О настроениях, бытовавших на тот момент у национальных элит и простого люда комплексно оценила Я.С. Гузей, специалист рассматривающий вопрос, т.н. «жёлтой опасности». «Несмотря на бытовавшие идеи об опасности, которая может угрожать империи со стороны стран и народов Дальнего Востока, военные действия между Россией и Японией оказались для значительной части российского общества неожиданными. Высшие сановники, военные деятели и образованная часть населения империи в большинстве своем не верили в возможность какой-либо серьезной войны с Японией: как и сам Николай II они до последнего рассчитывали на мирный исход противоречий между двумя государствами. Что же касается малограмотной части российского населения, то подавляющее его большинство обладало в этот период времени довольно «туманным» представлением о Японии и даже не подозревало о политических сложностях, которые существовали между двумя державами. Многие солдаты, отправлявшихся на фронт, по признанию генерала П.Н. Краснова, о японцах никогда и не слышали. Сведения основной массы населения о японцах в 1904 г., как отмечалось в одном из изданий для народного чтения, в лучшем случае ограничивались довольно «смутным представлением» о том, что противник России «желтолицый нехристь», который «вероломно напал» на русскую эскадру»⁹³

---

⁹² Высочайший манифест // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 177.

⁹³ Гузей Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: дис. ... к. и. н.: СПб., 2014. С. 140.

Крестьяне в массе были неграмотны, к тому же новости приходили в самарские газеты с опозданием от 2 дней до недели. Потому основными передатчиками информации крестьян стали следующие источники: проповеди духовенства, лубки, листовки, слухи.

Церковь в своих проповедях пыталась напомнить о славном прошлом России, выискивая из истории соответствующие ситуации победы предков. Так Митрополит Московский Владимир вспоминает времена Куликовской битвы, уверяя, что новая история столкновения белой и жёлтой расы повторится победой первой. «И в наступившую тяжкую годину испытаний, когда потомки древних монголов дерзнули нагло оскорбить Русь Православную и разбойнически напасть на её верных сынов... <...> Да поможет он и Тебе, Великодержавный Царь наш, победить современных монголов, врагов родной нашей земли»⁹⁴. Церковь Самарской губернии пытается достучаться до читающей публики через свой журнал в котором молит о помощи нуждающимся солдатам: предоставить комплекты одежды, постельного белья, посуды; оборудовать помещения с другим назначением или малогабаритных больничек под нужды раненных; о призрении за сиротами павших в бою. Церковь стала проводником и аккумулятором материальных и денежных богатств, направленных на обеспечение армии. Настаивало духовенство на пожертвовании и в Красный Крест. Склонить к жертве епархия пытается через статьи своего журнала. В 1905 году выходит статья: «Что может сделать одна копейка?». В ней автор предлагает взглянуть на гигантскую сумму, которую можно сколотить если все внесут свою лепту в виде одно копейки для помощи нуждающимся солдатам. «В Самарской Губернии можно набрать сумму в 20 тысяч руб. в месяц, а по всей России почти 18 миллионов руб. в год»⁹⁵.

---

⁹⁴ Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. СПб., 1904. С. 14-16.

⁹⁵ Что может сделать одна копейка? // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 6. С. 244-245.

В Адрес-календаре содержится статистика от Красного Креста в которой приведены данные о масштабах помощи от жителей Самарской губернии. «Общая сумма пожертвований на нужды Красного креста по 1-е октября поступавших от населения Самарской губернии выражается в 352 205р. 7к.»⁹⁶. Также имеется отдельная графа пожертвований: взносы на укрепление флота. На 1-е октября 1904 эта сумма составляет 107 398 р. 59 коп.⁹⁷. Чтобы понять много это или нет, стоит обратиться к данным бюджета города Самары. В 1902 году доход города составил 1 045 922 руб. 28 коп.⁹⁸, т.е. в общей сложности на нужды армии Самарской губернией за неполный год войны было выслано около 50% годового бюджета города Самары.

В архиве ЦГАСО, в фонде Самарского местного управления общества Красного Креста города Самары содержится ходатайство о раздаче наград за устроение посильной помощи раненым и больным. «Предполагая ходатайствовать об отношении почётных наград: коммерции советнику И.И. Плешанову, потомственным почётным гражданам: А.А. Субботину, И.Г. Курлину, жене купца К.А. Думлера, дочери почётного гражданина В.Н. Ухиной, дочерям крестьян слободы Покровской К.Ф. Кобзарь, П. Н Тихоновой и П.Т. Коломыченко, жене агента Рязонско-Уральской ж.д. Б.И. Енша, поселянке селения Липов кут Е.И. Вагнер, Дворянину С.С. Чернышеву, дворяне В.А. Европеус, члену казначейства Местного управления личному почётному гражданину В.И. Дерябину, председательницу Комитета Самарской Ольгинской общины сестер милосердия вдове статского Советника Графине В.А. Толстойи членам этого Комитета дворянкам А.Н. Сердюковой, Н. В. Батюшковой, В.В. Осоргиной, купеческой вдове О.В. Шадринной и Великому Начальнику участка Новокузнецкого уезда В.И. Европеус за заслуги, оказанные обществу

---

⁹⁶ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 250.

⁹⁷ Там же. С. 251.

⁹⁸ Там же. С. 138.

Красного креста»⁹⁹. Этот список интересен своим сословно-классовым многообразием, показывая, что несмотря на недовольство войной ни одно сословие не осталось равнодушным к лишениям солдат.

Весь первый год войны церковь акцентирует внимание на вероломстве японцев и их языческом вероисповедании. После падения Порт-Артура (23 декабря 1904 года) оскал РПЦ меняется. Отпев панихиду о погибших защитниках Порт-Артура¹⁰⁰, «ведомости» начинают публиковать материалы, повествующие о недовольстве деревней войной. Такие заметки не редкость в выпусках за 1905 год, в то время как в 1904 году таких заметок встретить было невозможно. Хотелось привести пару из них. В заметке под названием «Печальный случай»¹⁰¹ рассказывается о призывнике, озадачивший иерея во время проповеди парадоксом, вызывающий когнитивный диссонанс. Одна из заповедей гласит: «не убий», но священник призывает по первому приказу начальства стрелять в японцев. В итоге «смутьяна» препроводили в полицейский участок, на сим история оканчивается.

В том же номере (№ 6), «ведомости» цитируют газету «Русское слово» в которых говорится о состоянии русской армии после поражения под Мукденом (10 марта 1905 года): «беспорядочное отступление русских войск, плохое снабжение питьевой водой, низкий боевой дух»¹⁰². Позднее стали всплывать подробности о православных в Японии, о которых «ведомости» охотно делились с паствой. Так статья «Вести о военнопленных русских в Японии», сообщает, что в военных лагерях, где содержат пленных присутствуют японские священники православного прихода, утешающие духовные страдания. Так в доступе к пленным было разрешено неким

---

⁹⁹ ЦГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 42. Л. 17.

¹⁰⁰ Панихида по убиенным защитникам Порт-Артура // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 2. С. 35.

¹⁰¹ Печальный случай // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 6. С. 237-239.

¹⁰² Под Мукденом // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 6. С. 241-242.

Сергию Судзуки и Павлу Морите, окончивших курсы духовно семинарии при русской духовной миссии в Токио, владевшие русским языком. «Самарские епархиальные ведомости» отзывается очень доброжелательно к неофитам, считая их старания богоугодным делом. Как уже говорилось ранее, церковь не ставила цель осведомлять население информацией о войне, война интересовала лишь до той поры, пока она касалась православной церкви. Первая русская революция перетянуло одеяло внимания «ведомостей» и большое количество материала стало издаваться на тему революционных событий в Петербурге, смирении, клятвы императору и т.д.

Тот путь, что прошёл журнал характерен для большинства либеральных газет (о них мы поговорим в следующей главе). Сначала огульные обвинения в коварстве, потом обсуждается «варварская» сущность японцев, но нарастание революционных событий и поражения на Востоке отрезвляют общество, и «ведомости» поддавшись тенденции аналогично сбавляют обороты. Затихают обвинения в дикости и не цивилизованности, затем освещаются доселе неизвестные стороны жизни японского народа. Так церковь, следившая за война однобока, через призму религий смогла найти общее между русским и японцем — любовь ко Христу. История о двух японских христианских семинаристах есть донесение «ведомостей» до читателя, в первую очередь до рядового священника (как уже говорилось Самарские епархиальные ведомости пересылались в приходы в обязательном порядке), что японцы не такие уж и дикари.

Отдельные призывы к миру стали проникать в журнал в 1904, а в 1905 году вопрос обсуждался в открытом порядке. Как только мирный переговоры стали реальностью, «Ведомости» публикуют заметку: «Ответ Государя оренбургскому духовенству»¹⁰³, в котором содержалось мольба о расторжении унизительного мира. Однако сами мирные договоры журналом

---

¹⁰³ Ответ Государя оренбургскому духовенству // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 15. С. 845-847.

никак не комментировались. А.О. Буранок делает вывод, что «ведомости» за продолжение войны. «Если учесть, что мирные переговоры в журнале никак не освещались, и сообщения о заключении Портсмутского мирного договора не было, то приходится предположить, что самарское духовенство было солидарно с оренбургским и желало или продолжения войны, или более достойных условий примирения»¹⁰⁴. Воинственное настроение епархии вряд ли было бы положительно встречено крестьянством, сильнее всего пострадавшее от войны.

«Самарские губернские ведомости», призванные осведомлять в первую очередь сельское население номером от 22 января (прошло 4 дня со дня всеобщей забастовки в Самаре) заявило о спонсировании японским правительством революционных движений, с целью нарушить движение составов, направляемых на Дальней Восток на Златоустовской ж/д.¹⁰⁵ В рапорте Самарского жандармского полицейского управления железных дорогов города Самары от 15 января, отмечается слух о готовящихся на ж/д забастовках, где предполагается вероятный виновник забастовок: «вероятно, это агенты японцев добывающихся смут в России»¹⁰⁶. Сами же революционеры в частности РСДРП в листовке «Ко всем рабочим» отрицали свою причастность в получении денег у Англии или Японии¹⁰⁷.

Справедливы ли эти обвинения? Для ответа обратимся к исследованию Д.Б. Павлова «Японские деньги и первая русская революция». Помощь со стороны Японии действительно была. Она приходилась в размере 1 миллиона иен (по современному курсу, свыше 5 миллиардов иен, или более 40 миллионов долларов)¹⁰⁸. «Объектами японского финансирования являлись такие партии: социалисты-революционеры, Грузинская партия социалистов-

¹⁰⁴ Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-yaponskaya-voyna-na-stranitsah-samarskih-eparhialnyh-vedomostey> — (Дата обращения: 11.05.2018).

¹⁰⁵ Самарские губернские ведомости. 1905. 22 янв. С. 2.

¹⁰⁶ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 657. Л. 4.

¹⁰⁷ Ко всем рабочим // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Т. 4. Л. 355.

¹⁰⁸ Павлов Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М., 2011. С. 182.

федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия, Финляндская партия активного сопротивления, армянская партия Дашнакцутюн, польская лига народной. Как мы видим основные получатели денег и пособники японцев являлись националистические партии — польские, финские, кавказские. РСДРП же в меньшей мере получили долю от японского “пирога”¹⁰⁹. Деньги шли на различные нужды партий: печатание и распространение нелегальной литературы, упрочение межпартийных каналов связи, подготовка вооружённого восстания¹¹⁰.

Павлов делает вывод, что несмотря на денежную поддержку революционных движений, революция в России развивалась по внутренним законам. Именно эндогенные факторы стали причиной революционной активности населения. Стоит отдать должное многие не повелись на удочку правительства в попытке свалить всё на внешнего врага, так И.И. Петрункевич вспоминал: «Как только русская армия стала терпеть неудачи в борьбе с Японией, прислужниками правительства тотчас был пущен слух о подкупе японцами русских общественных деятелей и печати в расчёте перенести ответственность военной и гражданской власти на общество и его деятелей. Конечно, этому слуху никто не верил, и истинный смысл его был всем понятен»¹¹¹.

Генезис причин революции берёт своё начало ещё с Петровских времён, какие-то были сформированы во время русско-японской войны. Ведь крестьянство в начале войны совершенно не имело представления с кем воюет и за что. Запала от известия об ударе по нашим кораблям японцами исподтишка не надолго хватило. Терпя одно сокрушительное поражение за другим война стала тягостью для всего крестьянского сословия, и самарских крестьян, в частности. Кроме столь очевидной причины недовольства, имелись иные основания для неповиновения власти.

---

¹⁰⁹ Павлов Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М., 2011. С. 183.

¹¹⁰ Там же. С 185.

¹¹¹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: восп. Прага, 1934. С. 390.

Для начала обговорим экономический трудности, связанные с любой войной. Война в первую очередь тяжёлым бременем ложится на народ. 90% всех призванных являются крестьяне. Многие семьи лишились рабочих рук, тягловых лошадей, задействованных в кавалерийских полках. Это вело к разорению хозяйств мобилизованных, а оставшейся члены семьи вынуждены сокращать посевные площади, продавать скот и инвентарь. Усилился налоговый гнёт, ухудшилось медицинское обслуживание, в следствии ухода большей части фельдшеров в Маньчжурию¹¹².

Но Русско-японская война породила свои, специфические причины для зарождения народного бунта. В первую очередь сюда входит сама мобилизация. Согласно официальным данным, по мобилизации всего в течение всей кампании, как в европейской, так и в азиатской России, были приняты на службу 1 млн 174 тыс. 913 чел. (70% явившихся к призыву). Были и добровольцы, коих был ничтожный процент. Их зачислено на службу 9 376 человек¹¹³. Самарская губерния поставила под ружьё за два года в общей сложности 23 976 человек. Народ искренне не понимал цели войны. Ставшая полной неожиданностью, война была холодно встречена в деревне.

Показательна история «Волна в степной глуши»¹¹⁴ из «Самарских епархиальных ведомостей». Сюжетной канвой рассказа стали проводы новобранцев. После беспокойной ночи, утром толпа с нескрываемым недовольством, сплетнями и слезами подступила к церкви, где находился сборный пункт. Хоть священнослужитель успокоил людей, чувствуется, что удалось ему это не без больших усилий.

После посадки в вагонный состав солдаты отправляются на Восток. Как уже ранее отмечалось, через Самару проходила Златоустовская ж/д. В

---

¹¹² Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. С. 151.

¹¹³ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 149.

¹¹⁴ Волна в степной глуши // Самарские епархиальные ведомости: неофициальная ч. 1905. № 1. С. 35.

самарском архиве ЦГАСО в фонде Самарского жандармского полицейского управления железных дорог г. Самара запечатлены беспорядки творившийся на вокзале: кража табачных изделий, драки и пьяные дебоши, задержание поездов по пути следования¹¹⁵. Беспорядки охватывали нижние чины со слабой выучкой и дисциплиной. О масштабах производимого хаоса нижними чинами на вокзале, косвенно говорит факт, что полиция часто не справлялась с солдатами. Из других отчётов жандармов. «25 минувшего октября, на станции “Самара” производилась посадка 650 человек нижних чинов 3 запасной Артиллерийской бригады. Люди прибыли на станцию значительно раньше, чем следовало, без строя, без офицеров, причем все поголовно пьяные: по дороге разбили трактир и лавочку, и всё время пребывания на станции шумели, буйствовали и дрались между собой, обнажая при этом оружие»¹¹⁶. «Из числа заполняющих станционные помещения и платформу нижних чинов особенно буйный элемент представляют самовольно отставшие от своих эшелонов, а таких всегда имеется человек 200 и более. Сознавая себя на нелегальном положении..., забираются в вагоны проходящих поездов с назойливостью выпрашивая подаяния... большая часть собранных денег пропиваются, некоторые же отсылают по почте домой своим семьям»¹¹⁷.

В итоге власти пришлось принять более жёсткие меры в отношении нарушителей организации перевозки солдат, переведя нарушения на ж/д из административной в уголовную плоскость. «13 февраля был издан указ о введении на всех дорогах военного положения, за нарушения которого полагалось тюремной заключение до 8 месяцев. Этим актом

---

¹¹⁵ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 632. Л. 151, 168, 175.

¹¹⁶ Там же. Л. 184.

¹¹⁷ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 632. Л. 207.

железнодорожным забастовкам был придан новый характер — это борьба стала рассматриваться как государственное преступление»¹¹⁸.

Даже запрет продажи алкоголя и закрытие буфетов не помогли. Они лишь перевели эти виды деятельности в нелегальную среду обитания. В итоге пункты приёма пищи на станциях закрыты, а для поиска выпивки требуется целый алгоритм действий, чтобы достать нелегальную «разливуху» за которую можно схлопотать нарушение и быть наказанным по законам военного времени. Оторванные от родных домов, голодные и... трезвые новобранцы, со слабой дисциплинарной выучки становились главными зачинщиками беспорядков на железной дороге.

Другой причиной недовольства войной стала порочной система комплектования войск в условиях внезапно начавшейся войны. Главным источником комплектования действующей армии были мобилизации запасных, т.н. частные, а не выдвижение кадровых частей из центральных губерний. Данная стратегия была продиктована сложной внешнеполитической конъюнктурой в мире в ходе Русско-японской войны. Кадровые военные оставлены в местах действующей дислокации, с тем чтобы не оставить западные фланги оголёнными¹¹⁹. Закон по воинской повинности не делил людей по семейному положению, что вызывало праведный гнев семейных запасников старших сроков службы. Это в не малой степени способствовало к количественному росту беспорядков. К тому же такой подход комплектования армии мешал выполнению военных операции, журналист А. Суворин рассказывает о том, с каким материалом приходилось работать генералу А.Н. Куропаткину. «В массе войск, полученных Куропаткиным (в этом плане мобилизации, конечно, и сам он участвовал вместе с главным штабом), была иногда половина, а иногда и

---

¹¹⁸ Трифонова В.В. М.Т. Елизаров как один из организаторов всероссийской железнодорожной стачки в октябре 1905 года / В.В. Трифонова // Платоновские чтения: материалы XI Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2005. С. 195.

¹¹⁹ Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. С 64.

более, резервистов, только что присланных из запаса. Все это – крестьяне, только что оторванные от сохи, озабоченные мыслью о семье, одетые лишь в военные мундиры, но далеко еще не солдаты. Их приходилось учить, а иногда прямо из вагонов бросать на поле битвы, о которой они и понятия никакого не имели»¹²⁰. За время войны из запаса на действительную службу было призвано 1 045 909 нижних чинов, добровольцев поступило 9 376, а новобранцев в 1904 г. – 424 898 и в 1905 г. – 446 831 человек¹²¹.

В мемуаристике есть большое количество подтверждений этой теории, а во воспоминаниях раскрываются дополнительные нюансы такой порочной практики. Так генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, действующий сухопутных войск, пишет. «При частной мобилизации призыв осуществлялся выборочно по местностям, т.е. из какого-либо уезда или волости вычерпывались полностью запасные всех возрастов, а в соседней призыва не было вовсе»¹²². Русский писатель и переводчик Викентий Вересаев также отмечал тяжёлое положение запасников «Нечего говорить, как жестоко было отправлять на войну всю эту немощную, стариковскую силу. Но прежде всего это было даже прямо нерасчетливо. Проехав семь тысяч верст на Дальний Восток, эти солдаты после первого же перехода сваливались. Они заполняли госпитали, этапы, слабосильные команды, через один-два месяца – сами никуда уж не годные, не принесшие никакой пользы и дорого обошедшиеся казне, – эвакуировались обратно в Россию»¹²³. Глубокое равнодушие к своей дальнейшей судьбе В. Вересаев отмечал у солдат уже по приезду в Маньчжурию. «Город все время жил в страхе и трепете. Буйные толпы призванных солдат шатались по городу, грабили прохожих и разносили казенные винные лавки. Они говорили: “Пускай под суд отдадут, –

---

¹²⁰ Суворин А. Русско-японская война и русская революция: маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 175.

¹²¹ Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. С. 67–70.

¹²² Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 250.

¹²³ Вересаев В.В. На японской войне: очерк. 1907. С. 8.

все равно помирать!»¹²⁴. Другой сюжет из дневника Вересаева, посвящён облику солдата, что вчера был крестьянином. В представленном отрывке наслаиваются две проблемы: неудачная система комплектования армии и запрет на привокзальные буфеты, вкуче с и без того слабой обеспеченностью эшелонов провиантом. «Эшелон был громадный, в тысячу двести человек; в нем шли на пополнение частей запасные из Уфимской, Казанской и Самарской губерний; были здесь русские, татары, мордвины, все больше пожилые, почти старые люди. На каждой станции солдаты рыскали по платформе и окрестным лавочкам, раздобывая себе пищи. Но на такую массу людей припасов не хватало. На эту массу не хватало не только припасов, – не хватало кипятку»¹²⁵.

Стоит отдать должное правительству оно пыталось устранить существующую проблему. Для решения затруднительных вопросов из императорской свиты были поставлены флигель-адъютанты, их главная задача — навести порядок на призывных пунктах. А именно отправить обратно домой многодетных запасных. Для решения столь деликатного вопроса требуется индивидуальный подход, честность исполнителя, чёткое взаимодействие между офицером, и военной и местной администрациями. Но в реальности вышло с точностью да наоборот. «Однако и здесь не обошлось без недоразумений. Освобождение по ходатайствам флигель-адъютантов проводилось не на сборных пунктах, а из частей войск или с пути следования эшелонов на Дальний Восток, что вызывало путаницу и недоразумения. Были случаи освобождения материально обеспеченных и даже зажиточных запасных, тогда как в тех же уездах более нуждающиеся и многосемейные отправлялись на войну, что естественно, вызывало недовольство населения»¹²⁶.

---

¹²⁴ Там же. С. 8.

¹²⁵ Вересаев В.В. на японской войне: очерк. 1907. С. 16.

¹²⁶ Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. С. 66.

В «Самарской газете» оставлен очерк Ржевского под названием «Степные картинки». Он представлен в виде диалога запасников, отправляющихся на Восток во время декабрьской мобилизации (всего таковых было 10)¹²⁷. В очерке крестьяне делятся впечатлениями о вопиющих случаях беззакония, когда на войну тащат последнего кормильца, оставляя дома жену, и двух детей, трёх, а то и более.

«— Кто-т у тебя дома остаётся?

— А одна жена с тремя ребятишками.

— Тяжело будет ей!

— Что-тяжело, а прямо скажи: разоряться придётся! Эх, друг, уходишь и оставляешь семью с нуждой, а, если, Бог даст вернуться, – и нищим придёшь!

— А у нас в Тепловке у одного осталась жена с пятью ребятишками, да с больным стариком.

— А у нас в Сестрах у одной вдовы нынче за лето взяли троих, – всех, что было в семье, работников. Старшего взяли летом, меньшака – в набор, а сейчас – среднего. И остались одни бабы с кучей ребятишек.

— А у нас в Канаевке один хозяин только схоронил жену, а теперь сам идёт. Осталось четверо малышей и никого нет в дому.

— А у нас в Михайловке от пятерых ушёл»¹²⁸.

Заканчивается заметка на минорной ноте. Крестьяне не верят, в благоразумную политику государства в отношении многосемейных запасников. «Приехали родные из города и сказали: “оставили больных, а остальных – будь хоть с десятью ребятами – всех под гребло вымоли”»¹²⁹. Ударом под дых стала разобщённость общины в вопросах призрения за

---

¹²⁷ Там же. С. 59.

¹²⁸ Ржевский. Степные рассказы // Самарская газета. 1904. 24 декабря. № 283. С. 4.

¹²⁹ Там же.

детьми и жёнами фронтовиков. Сельских сход редко постановлял пригляд за неимущими мотивируя отказ: «Не мы затеяли эту войну, не нам и платить»¹³⁰.

Помимо просчётов в организации армейских частей, масло в огонь революции подливали имеющиеся в Самаре комитеты социал-демократов и эсеров. Возбуждённое состояние солдат, в ходе их обработки «разъяснительной» литературы подмечал А.Н. Куропактин. «Равнодушие России к той кровавой борьбе, которую сыны её вели в чужой стране за малопонятные интересы, не могло не поколебать сердца даже сильных воинов. Военное одушевление, порыв к подвигу не могли явиться при таком отношении к ним на родине. Но в России не ограничились одним равнодушием к армии. Представители революционных партий чрезвычайно энергично принялись за работу, чтобы увеличить наши шансы на неудачи и воспользоваться ими для достижения своих тёмных целей. Возникла подпольная литература, имевшая целью расшатать доверие офицера к своим начальникам, доверие солдата к офицерам, доверие всей армии к правительству»¹³¹.

В какой момент революционерам удалось посеять семена сомнения в справедливости этой войны? На основе анализа фондов архива ЦГАСО: Самарское жандармское полицейское управление железных дорог. г. Самара и Самарское губернское жандармское управление. г. Самары, можно предположить, что революционеры обильно снабжали воинские эшелоны нелегальной литературой во время остановок и до отправки поездов.

В отчётах жандармов засвидетельствовано великое множество задержаний провокаторов и распространителей литературы; обнаружения тайников с листовками; сокрытие улик и других противоправных нарушений в отношении власти.

---

¹³⁰ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 176.

¹³¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 392.

В отчёте за 15.01.1905. говорится об некоем В.Н. Козлове ведущий «антиправительственную пропаганду убеждая при этом не идти войну». Козлов отправлен в тюрьму Сызранского уезда¹³². Василий Дмитриев Кузнецов слесарь малого ремонта, и Дмитрий Григорьев Елфимов распространяли воззвания «преступного содержания» в среде рабочих на Златоустовской ж/д¹³³. Далее история некоего Н.В. Соболева, который пытался вручить прокламацию «к солдатам», однако был задержан, как выяснилось, он передавал её двум рядовым из 9 роты 209 пехотного полка, поехавших на Дальний Восток, внушая им мысль «что их гонят на убой»¹³⁴. Кроме сермяжной пропаганды через третьих лиц, радикалы всячески подсовывали листовки в почтовые ящики¹³⁵. Перед получением нелегальной литературы сперва требовалось ознакомиться и неукоснительно следовать правилам, а таковы имелись, это стало ясно после находки полицейскими на водосточной трубе Самарской губернской тюрьмы газеты Искры № 48, на которой аккуратно лежал мануал по пользованию: «даётся на строгое определенный срок 3 часа на человека»¹³⁶.

При обнаружении листовок у рабочих или крестьян, пойманные с поличным, пытались избавиться от противоправной улики, так рабочие на глазах у жандарма закинули брошюры в горн печи своего предприятия¹³⁷. Другие же наоборот приходили в участок и отдавали нежелательную брошюрку или же отдавали ближайшему унтер-офицеру. Но нередко происходило всё так: крестьянин либо нашёл, либо через посредника получил прокламацию, но из-за безграмотности не мог ознакомиться с содержанием листовки. Для данного алгоритма показательны две истории: 1) Путевой сторож Бабушкин нашёл свёрток в снегу с прокламациями

---

¹³² ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 657. Л. 2.

¹³³ Там же. Л. 18-19.

¹³⁴ Там же. Л. 74.

¹³⁵ Там же. Л. 9.

¹³⁶ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 281. Л. 60.

¹³⁷ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 657. Л. 71.

преступного содержания, но тот отдал его сыну, т.к. сам был безграмотным. Мещанин отдал её 13-летнему сыну, рассказавший суть текста «что-то про войну»¹³⁸. 2) История Шершакова который нашёл прокламацию «Царскую милость», изданную Минским революционным комитетом т.к. не смог прочитать отдал дорожному мастеру, а тот Жандармскому унтер-офицеру¹³⁹.

Вскоре задержания происходили и по курьёзным причинам. Арестовывали не только за пропаганду преступного толка, но и за светские разговоры диссидентского характера. Так пассажир поезда назвал императора «дураком»¹⁴⁰, а мещанина Дмитриева задержали за строчку пропетой песни: «вставай пробуждайся русский народ»¹⁴¹. Однако все эти словесные, казалось бы, пустяковые нарушения наглядно иллюстрирует глубокую неудовлетворённость происходящем в стране, и не редко виновником становился институт самодержавия.

Листовочная литература была весьма разнообразна, и каждая брошюра имеет свою художественную ценность. Они адресованы разным слоям населения, содержат различные требования и отвечают на самые злободневные вопросы. Далее мы проанализируем каждую листовку, и попытаемся выявить закономерности и особенности во взглядах двух революционных течений. Сразу оговоримся, что вся масса листовок носит пораженческий характер, причём если либеральные издания займут аналогичную позицию лишь к падению Порт-Артура, когда перспектива поражения России в войне станет реальностью, то радикалы её заняли изначально. Об этом без обиняков говорит М. Павлович (М. Вельтман), написавший первый труд о русско-японской войне по марксистским лекалам. «Только революционная “подпольная” печать предсказывала с самого начала войны, неизбежность поражения России Японией и подчеркивала её:

---

¹³⁸ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 657. Л. 22.

¹³⁹ Там же. Л. 30.

¹⁴⁰ Там же. Л. 91.

¹⁴¹ Там же. Л. 94.

благодетельные последствия такого поражения царской России. Но скоро и многие умереннейшие представители нашей интеллигенции стали пораженцами»¹⁴².

Листовки РСДРП как правило названы в честь тех, к кому обращены. «К солдатам», «Русские рабочие и вы все русские граждане!», «К крестьянам», «Ко всем рабочим», «Ко всем запасным рядовым». Центрами распространения литературы эсдеков стали сёла: Обшаровка, Царевщина, Черниговка, Красный Яр, Алексеевка¹⁴³.

В январе 1904 года выпущена статья «Ко всем гражданам»¹⁴⁴ газеты Искра, в которой РСДРП продемонстрировал политическое чутьё. В ней они предвосхитили саму войну её цели и настроения верхов. «Теперь наше правительство накануне новой ещё более рискованной авантюры во вкусе Наполеона III-го; чувствуя себя в положении внутреннего врага всего русского народа, оно хочет перенести центр тяжести народного внимания на “врага внешнего”».

В листовке «Правда о войне. Солдаты!»¹⁴⁵ РСДРП по пунктам описывает обстановку в Маньчжурии:

- отсутствует снабжение;
- нарушение санитарных норм при лечении раненных;
- молодой и неопытный офицерский состав («2300 юнкеров»);
- отсутствует мотивации солдат умереть за Маньчжурию;
- бездарная организация войск.

«Не на войну ведут, а на бойню» — живописуют листок. Справедливы ли эти обвинения? Во многом, да.

---

¹⁴² Павлович М.Л. Русско-японская война. М., 1925. С. 13.

¹⁴³ Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. С. 151.

¹⁴⁴ Ко всем гражданам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Т. 4. Л. 142.

¹⁴⁵ Правда о войне. Солдаты! // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 2. Л. 222.

Перебои со снабжением были частым явлением, от чего в тылу гражданские организовывали вещевые поставки, куда входили предметы первой необходимости, ткани, бельё, одежда, табак и др. Полный перечень содержит Адрес-календарь, в котором размещён отчёт о деятельности Красного Креста по Самарской губернии. «Что касается вещевых пожертвований, то таковые поступили и поступают в виде, главным образом, полотна, принадлежностей белья, табака, папирос, чая, сахара и т.п. В виду большого разнообразия этого рода пожертвований здесь проводится лишь те из них, которые выражаются в более или менее значительных количествах. По сведениям склада, вещевых пожертвований по 1-ое октября поступило: холста и полотен 41 378 аршин, сукна 129 аршин, принадлежностей нижнего белья 6 321 шт., чулок и носков 13 630 пар, полотенце 10 037 шт., платков 4 894 шт., наволочек 3 215 шт., портянок 8 572 пар, кисетов 1 796 шт., простынь 1 397 шт., тюфячных мешков 935 шт., одеял 239 пар, халатов 220 шт., валеных сапог 197 пар, варег и перчаток 6 512 пар, табаку 12 ящиков, сахару 69 пуд. И чаю 4 ½ пуд.»¹⁴⁶.

Об отсутствии мотивации мы уже расписывали, говоря о масштабах беспорядков, творимых на вокзалах нижними чинами. Но это в тылу, ситуация на фронте оказалось куда плачевнее. Боевой дух был очень низок после нескольких крупных поражений (Битва на р. Шахэ, у Ляояна, на р. Ялу, Вафангоу). Даже обильная раздача именного оружия и орденов не спасли ситуацию. «“Бешенная” раздача наград (за полтора года солдатских «георгиев» было роздано ок. 80 тыс., больше, чем за весь период войн с Наполеоном, а «золотых сабель» около 600, — больше, чем за 64 года Кавказской войны), не подняли православное воодушевление против “язычников”»¹⁴⁷. Л.В. Жукова констатирует, что боевой дух ни военным, ни

---

¹⁴⁶ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 250.

¹⁴⁷ Артамонова В.А. Боевой дух русской армии XV – XX вв / В.А. Артамонова // Воен. – ист. антропол.: ежегод. 2002. Новые науч. направления. М., 2002. С. 141.

священникам в конечном итоге действительно не удалось поднять¹⁴⁸. Организации войск уже было сказано достаточно. Потому можно с уверенностью заявить, что эсдеки были в той или иной степени правы.

Листовка «Первое мая» изобилует различными требованиями, которые должны предъявлять рабочий люд правительству: 8-часовой рабочий день и расширение гражданских свобод. В ней ярко выражена идея классовой солидарности: говорится о японском пролетариате, который также страдает, как пролетарий русский. «Хмурится старая Европа, гремят орудия на Дальнем Востоке, щедро растекается кровь российского и японского пролетариата»¹⁴⁹. РСДРП против какого-либо компромисса с властью, она отвергает соглашательство, и призывает рабочих к революции. «Революция — единственный путь к настоящей народной свободе».

В листовке «Порт-Артур и Ляодун»¹⁵⁰ эсдеки дают прогноз скором падении этих крепостей, что в будущем и произойдёт с Порт-Артуром. Тут же они называют цифру в 80 млн руб., уходящая ежемесячно на войну. Всячески обличают правительство, что, то создаёт армию отнюдь не для внешнего врага, а для внутреннего — недовольных властью крестьян и рабочих. Однако достаётся не только власти, либералам инкриминируется измена в борьбе с врагами свободы. Прокламация «Ко всем запасным рядовым»¹⁵¹ перечисляет пособников самодержавия и разжигания конфликта на Востоке. Под удар попали: купцы, фабриканты, помещики, гвардия, чиновники, духовенство. После сдачи Порт-Артура выходит брошюрка «Русские рабочие и вы все русские граждане»¹⁵², в ней высказывает мысль об информационной блокаде населения России: «министры публикуют фальшивые денежные отчёты, полководцы ложные сообщения, жесткая

¹⁴⁸ Жукова Л.В. проповедническая действительность военного духовенства в русско-японской войне / Л.В. Жукова // Воен. –ист. антропол.: ежегод. 2002. Новые науч. направления. М., 2002. С. 162.

¹⁴⁹ Первое мая // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д.450а. Л. 6.

¹⁵⁰ Порт-Артур и Ляодун // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 196.

¹⁵¹ Ко всем запасным рядовым // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 343.

¹⁵² Русские рабочие и вы все русские граждане // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 235.

цензура в печати, не допускающая правду». «Всё самодержавие есть ложь, а его военная сила – ложь. Весь русский флот, который стоял под Порт-Артуром, разбит в щепы. Матросы похоронены на дне морском. Крепость Порт-Артур, может быть уже в этот день, когда вы будете читать этот листок, будет взята неприятелем [*В настоящее время она уже взята]. Сколько не было сухопутных сражений – больших и малых – все проиграны нашими войсками. Всё оказывалось, что японские войска лучше обучены, лучше вооружены, лучше одеты и лучше накормлены, чем русские войска. Маленькая Япония побеждает необъятную Россию. Такова прославленная военная сила самодержавия»¹⁵³.

Во время очередной мобилизации РСДРП выпускает новую листовку «Опять мобилизация!»¹⁵⁴, в ней предлагается яркая альтернатива царской мобилизации — мобилизацию рабочего класса, для начала крестового похода против самодержавия. «На царскую мобилизацию мы ответим иною, мы мобилизуем все силы рабочего класса, все силы гнева и горя народного и поведём нашу великую армию не против японцев, против злейшего врага России – царского самодержавия».

Такое сгущение красок характерно для революционных партий, примечательна последняя рассматриваемая нами листовка — «Почему царь не хочет мира»¹⁵⁵. Приводятся цифры потерь под Мукденом (50 000 пленных, 100 000 раненных и убитых), а затяжной характер объясняется нежеланием царского правительства отвечать перед ветеранами за последствия войны. «Царское правительство боится мира: чует кошка, чьё мясо съела, – оно боится, что озлобленный нуждой рабочий народ подымится требовать у него отчёта в каждой растроченной копейке трудовых народных денег, в каждой капле пролитой крови. Страх затемняет разум – новые и новые тысячи солдат отправляются на бойню в надежде отсрочить час грозной расплаты».

---

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Опять мобилизация! // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 114.

¹⁵⁵ Почему царь не хочет мира // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 247.

Помимо социал-демократов листовки активно печатали и распространяли социал-революционеры. «Так, листовок, затрагивающих Русско-японскую войну, самарские эдеки и эсеры выпустили в равном количестве (выявлено по 21 шт. тех и других); Самарский комитет РСДРП издавал одну легальную и шесть нелегальных газет; Самарский комитет партии социалистов-революционеров выпускал нелегальную “Крестьянскую газету” и использовал в качестве своей трибуны одну из основных губернских легальных газет – “Самарскую газету”»¹⁵⁶. Так что по прессе получается определённое равенство. Историю пишут победители и они в полной мере осветили деятельность РСДРП, всячески умаляя достижения эсеров. Восстановим справедливость и определим адресатов воззвания, требования и особенности эсеровских прокламаций.

Зачинщиком конфликта, не мудрствуя лукаво названо царское правительство. Целевой аудитории эсеры пытаются это донести через рассказ, оригинально истолковывающий причины войны. «Посадили бедного мужика, за то, что подрался с купцом. Дело было так. Купец начал строить свой магазин перед самым носом мужицкой избушки. Мужик потребовал от купца, чтобы тот прекратил стройку, так как она загораживает мужику окна и дверь, потому некуда выйти нельзя. Но купец продолжал строить. Собрались соседи мужика и целым сходом потребовали, чтобы купец убрался со своей постройкой, так как она незаконная. Купец обещался убраться, а между тем на другой день стал продолжать постройку. Мужик опять ругается, а купец молчит и строит. Наконец мужик не выдержал и «съездил по морде»», купец подал в суд и потребовал, чтобы мужика «наказали за оскорбление». Кого мы обвиним? Мужика или купца? Без сомнения, купец во всём виноват: он вывел мужика из терпения. Зачинщиком в этой драке — купец, а не мужик»¹⁵⁷. «Разбойничаю» политику, по мнению эсеров, можно остановить

---

¹⁵⁶ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 196.

¹⁵⁷ Кто начал русско-японскую войну // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 4. Л. 178.

упразднив самодержавие и установить народное правление. Это требование будет ни раз выдвигаться как ведущая цель эсеров.

В листовке «К крестьянам»¹⁵⁸ раскрываются причины занятия Маньчжурии императором. Прокламация задаётся вопросом кто больший враг царь или Япония. Дается четкий ответ — царь! «Виновен царь, потому что он первый совершил захват: нападение японцев является только ответом». Причиной захвата эсеры называют:

- вложение императором 7 млн. рублей в разработку лесных богатств в Корею;
- за неимением иностранных промышленников, русские товары будут пользоваться спросом — рынки сбыты;
- разработка природных ресурсов и появление нового податного населения;
- отвлечения внимания от внутренних неурядиц.

По подсчётам эсеров война обойдётся казне около 2 млрд рублей, за дефицит которой будут платить рабочий народ. Эсеры на заставили себя ждать, когда вскрылось плачевное состояние на фронте, и вскоре ПСР выпустили новые материалы, посвящённые: 1) доходчивому объяснению крестьянам причин поражения, 2) инспирированию идей борьбы с существующим строем.

Листовка «Почему японцы бьют русских»¹⁵⁹ повествует причины поражения русской армии в Маньчжурии:

- плохое вооружение;
- низкое образование нижних чинов;
- отсутствие самостоятельности у рядовых;
- бездарность руководства армии.

---

¹⁵⁸ К крестьянам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450. Л. 430.

¹⁵⁹ Почему японцы бьют русских // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450. Л. 162.

Главный тезис — низкое образование, как следствие поражение в войне, а также и причина нищеты рабочего класса. За образец идеального государственного устройства автор представляет Швейцарию, в которой установлено «народное правление». Однако далее в тексте низкое образование превращается из причины в следствие. Следствие наличия в России императора и его бюрократического аппарата.

В документе от причин поражения в Русско-японской войне повествование плавно перетекает к вредительству со стороны самодержавной власти. «Русский царь ездит по всей России и вооружает своих солдат и генералов главным образом иконами. Японцы же вооружились пушками самого лучшего устройства. Ну, где же устоять липовой доске против японской пушки. Конечно, и у русских есть пушки, но их мало, или часто стреляют не туда, куда метят, а русские бомбы иногда оказывались хуже картошки: они падали на японцев, но не разрывались. Японские пушки тысячами выбивают русских. И русские бегут! Да!» В листовке подчёркивается различие русского и японского солдата в уровне образованности в пользу последнего. «Так вот чем бьют нас японцы! Образованием! Что же нам теперь делать? Скорее учиться, как бить японцев? Нет, не этого нам нужно!.. Нужно так устроить, чтобы бить никого и никогда не приходилось, чтобы не было дураков и подлецов начальников, чтобы не было бедных, чтобы все были образованны, свободны и счастливы... Тогда и у нас настанут счастливые дни, тогда и мы с японцами не драться будем, а жить как добрые соседи: японцы и русские будут помогать друг другу, учиться друг у друга, приносить общую пользу, для общего счастья».

В листовках помимо царя ответственность за «преступления» делили его министры, как например, министр внутренних дел В.К. Плеве, после смерти последнего эсеры предъявили ему ряд претензий за его деятельность:

- присваивание имущества армянской церкви;
- подавление бунтов в Харькове;

- попытку задушить революционное движение в России;
- обострение межэтнических конфликтов в Финляндии;
- пособничество в развязывание Русско-японской войны¹⁶⁰.

Смерти министра посвящена ещё примечательная для эсеров листовка, в ней смерть Плеве предстаёт как аллегория взорвавшийся бомбы. Листовка «Две бомбы»¹⁶¹. Воззвание, как и остальные начинается с житейской истории, таким образом вводя в курс дела. Используется метафора двух бомб, одна из которых является эсеровской, подкинутой в дом Плеве, другая в Порт-Артуре от японцев, которые надолго сделало правительство сговорчивее. Цель революции создание органа народного представительства. «Рассказывают такой случай. Забрался городской франт на деревенские вечерки ну и там безобразничать: лезть к девкам, говорил им сальности и вообще общался с ними как с распутными женщинами. И девки, и парни несколько раз осаживали франта, намекая ему, чтобы он не забывался, но саврас пропускал всё мимо ушей: словно не понимал русского языка. Тогда парни, возмущившись, наглостью франта решили разговаривать с ним по-другому... подошёл один – раз! Савраса по уху! Подошёл другой – раз савраса по-другому!

— Давно бы так и сказали! — ответил франт, схватил шапку и юркнул дверь.

Есть люди, которые только такой язык и понимают. Так и наши правители, то есть министры и цари»

Большинство материалов направленно к крестьянскому сословию, даже в листовке «К солдатам»¹⁶², где разъясняется перспективы солдат на войне, ПСР ориентируется на солдат-крестьян, не упоминая о солдатах-рабочих. Итоги войны для крестьян объясняются формулой «хрен не слаще редьки». В

¹⁶⁰ Надгробное слово временщику Плеве // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 314.

¹⁶¹ Две бомбы // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 163.

¹⁶² Ко всем солдатам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 296.

случае победы — быть калекой, и работать на своём наделе, платя уйму податей для послевоенного восстановления. В случае поражения — умереть, или калека и опять подати.

Остальные рассмотренные листовки («Долой Самодержавие»¹⁶³, «К ответу»¹⁶⁴, «пауки и мухи»¹⁶⁵, «Письма из деревни»¹⁶⁶) содержат самоповторы эсеровской политической программы, излишне клишированы и имеют закономерный финал с воззваниями антиправительственного характера: «Солдаты отказываетесь идти на войну»¹⁶⁷, «То, что не хотят дать сверху, будет силой взято снизу»¹⁶⁸.

Несмотря на ряд различий между программными установками партийного руководства, у них было много общего в агитации и информационном обеспечении населения:

- Классовая солидарность. В листовках регулярно проскальзывает мысль об невинности простых японских солдат, они аналогично русским войнам обмануты и являются жертвами «преступной политики своих властителей и промышленных магнатов»¹⁶⁹.
- Превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Направить солдатские штыки не на японцев, а на преступный режим, втянувший (а по мнению революционеров и развязавший) Россию в войну; Обе войны противопоставляются друг другу, две войны и за ней две смерти: «несправедливой, позорной и тяжёлой в Маньчжурии – и справедливой, благородной, лёгкой за народное освобождение в России»¹⁷⁰.

---

¹⁶³ Долой самодержавие // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 4. Л. 62.

¹⁶⁴ К ответу // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 212.

¹⁶⁵ Пауки и мухи // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 56-57.

¹⁶⁶ Письма из деревни // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 150.

¹⁶⁷ К солдатам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 150.

¹⁶⁸ К обществу. Граждане // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 103.

¹⁶⁹ Газета «Искра» // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.

¹⁷⁰ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 173.

- Обе стороны признавали не состоятельность царского правительства в качестве организатора военных кампаний, не способного обеспечить всем необходимым и мотивировать солдат. А царские офицеры бездарны и некомпетентны.
- Признавалась бездарность правительства не только в войне, но и во внутренней политике. Не способное обеспечить достойное существование подданным. Ни увеличить благосостояние, ни даровать элементарных гражданских свобод.
- Вина за войну всецело лежит на власти. «одним почерком пера решена война, одним почерком пера слабоумного царя решается судьба России, судьба русского народа»¹⁷¹.
- Совпадал ряд требований: 8-часовой рабочий день; свобод слова и печати, собрания; ввести народную форму правления.
- Все агитки сопровождалась громкими и радикальными лозунгами;
- Название листовки сходится с аудиторией, к которой пропагандистский материал направлен.
- Структура листовок разных партий были идентичны друг другу: вступление, основной текст и концовка.
- Цифры и факты никогда не подтверждаются источником.

При таких общих чертах в агитации и целях, закономерны попытки обеих партийных группировок сотрудничать по линии агитационно-пропагандистской деятельности. Однако такие встречи часто оканчивались словесными перепалками, политическими диспутами. Такая дезорганизованность пугала крестьян, препятствуя их радикализации. «В 1905 г. происходят встречи агитаторов социал-демократической и социал-революционной партий в ряде сёл Самарской губернии, перераставшие, по словам Н.Н. Сперанского, в “настоящие побоища”»¹⁷². Вероятнее всего,

¹⁷¹ Газета «Искра» // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.

¹⁷² Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 201-202.

конфликты основываются на разной социальной ориентированности обеих партий. И, т.к. эсеры нацелены на крестьян, а эсдеки — на рабочих, то эсеры могли иметь бо́льшую популярность в деревни, а их воздействие на крестьянские массы иметь бо́льший отклик.

Различия между методами агитации эсдеков и эсеров:

- Эсеры использовали приём «своего мужика», начиная агитацию с житейской истории, деревенского сюжета раскрывающий безобразность режима, вину власти или причину войну. Эсдеки этим методом пренебрегали, в связи с социальной ориентированностью на рабочих;
- Эсдеки несмотря на отсутствие источников на которые они опираются в приведении цифр и фактов, их не так вольно трактуют, как эсеры;
- У эсеров отсутствуют листовки, посвящённые рабочему классу;
- Лозунги эсеров отличались радикальностью.

Все различия между ПСР и РСДРП в пропагандистских приёмах и подачи информации, продиктованы разницей в социальном составе потенциального электората обеих партий.

Отнюдь не только левая пропаганда обрушилась на головы крестьян, в осведомлении крестьян о делах на фронте участвовали лубки. Хотя изначально имел иную функцию, он формировал образ врага в тылу, с которым солдаты уже отправлялись на фронт.

Лубочные изделия как уже говорилось ранее, стояли в красном углу рядом с иконами, потому не обратить на них внимание было нельзя. Обилие красок, простая подача материала, былинные мотивы оставляли неизгладимое впечатление на крестьянина. В особенности под впечатлением были дети, ещё наивные и охочие до пёстрых картинок. Этим не преминули воспользоваться власти, организовав массовый выпуск военных лубков-

плакатов, эксплуатировавшие привычные приёмы старого лубка. Новое изделие пришлось по вкусу малограмотному крестьянству.

Лубок отражал не реальное состояние дел, а лишь отношение верхушки власти. Можно ли было ожидать достоверной передачи облика врага, если даже сам император относился к японцам, как к «макакам» после своей неудачной поездки в Японию будучи ещё наследником престола¹⁷³.

Какой облик имели японцы в лубках, какими чертами характера обладали? Л.В. Жукова даёт характеристику образа японцев и Японии в СМИ. «Для формирования образа врага характерны различные приёмы, используемые российскими СМИ: подмена понятий, искажения информации или избыток, рассуждения о жестокости коварстве японцев, вместе с тем рассказывается о слабости японцев, о расовом превосходстве европейцев над азиатами, идея борьбы православной Руси с языческой Японией»¹⁷⁴. Нет сомнений, что этими приёмами «грешили» и лубки в том числе.

Однако такая самопрезентация врага и себя не является особенностью русского менталитета или спецификой методов пропаганды Российской власти. К такому подходу прибегали японские власти перенося стереотипы о России в печать. «Однако, несмотря на все различия, в визуальных образцах военной пропаганды обеих стран можно выделить много общего. На большинстве картин изображение собственного государства сопровождается изображением противника. При этом используются ярко выраженные противопоставления: красивый/уродливый, большой/маленький, агрессивный/спокойный, где все положительные характеристики приписываются образу своей страны, а все отрицательные – стране противника. Самопрезентация практически неотделима от образа врага. Два

---

¹⁷³ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 312.

¹⁷⁴ Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. // Воен.-ист. антропология: ежегод. 2003/2004: Новые науч. направления. М., 2005. С. 261–263.

образа – самого себя и своего антипода – взаимопереплетаются, оттеняя и дополняя друг друга. Это характерно и для русских, и для японских изображений, несмотря на разницу в восприятии войны и различие менталитетов»¹⁷⁵.

Пагубность такого приёма формирования образа врага или точнее, доведение сведений о Японии, замечали и в самарской периодической печати. В «Самарском курьере» и «Самарской газете» содержится критические статьи, негодующая по поводу содержания в лубках.

Так в «Самкуре» содержится обличающая царских пропагандистов статья. «Безводнинские крестьяне (нижегород. у.) просили уездный комитет попечительства о народной трезвости выписать в их чайную одну местную газету. Требование и вполне законное, и удобоисполнимое. Но не так посмотрел комитет. Он не нашёл возможным исполнить этой просьбы Чистый источник закрыт. Вполне понятно, что крестьяне к доморощенным способам – выдумкам и нелепым слухам» <...> «Народ требует сведения о войне, и они разбрасывают в миллионах экземпляров лубочные издания. Вот что пишет в “Бирж. Вед.” г. Повираев из оренбургского уезда. «Московские литографщики, с небезызвестным г-м Сытиным во главе, “сугубо” наводняют деревни и села нашего уезда своими возмутительными «картинами» на тему военных событий. Какое надругание над русским воином! Какая “заядлая” извращённость в этих “лубках”» <...> «Спрашивается: что могут породить в уме тёмного люда такие картины? Что они ему дадут? Полезны ли они ему? Приходится ответить на два вопроса (последний) отрицательно. Но на первый — ответ таков: картины эти порождают в уме мужичка совершенно неверно представление о русском войне и о враге обогащают его ум хламом неправды, глупой фантазии,

---

¹⁷⁵ Сидякина Н.И. Визуальная самопрезентация России и Японии в период русско-японской войны 1904-1905 гг. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-samoprezentatsiya-rossii-i-yaponii-v-period-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-gg> — (Дата обращения: 07.05.2018).

невероятной глупости и грязи!.. Крестьяне поразвитее говорят: Для дураков пишется и малюется такая картина...»¹⁷⁶. Стоит отметить, что действительно в земские библиотеки региональная периодика не допускалась¹⁷⁷. Единственным, утешением для читающего крестьянина могли стать столичные издания, либо «Самарские губернские ведомости». Как видим не все крестьяне всецело поддерживали ксенофобную риторику, содержащиеся в лубках.

Следующая статья за авторством «Молота» — эсера, часто печатавшийся в «Самарской газете». За основу взят тот же подход, что и во всей листовочной литературе эсеров. Сначала небылица, предваряющая основную мысль автора. Мы не будем приводить весь отрывок, лишь набросаем основные моменты, требуемые для понимания выводов. История берёт начало в пригороде слободы станции Челябинск, где дети устроили «войнушку», разделившись на два лагеря «лагерь Куропаткина» и лагерь «Куроки», по итогу Куропаткин победил, а главаря проигравших дети после небольшого потешного суда повесили... Натурально! «Где виновники его трагической смерти?.. Дети, осудившие товарища к казни и исполнившие этот приговор?.. о, нет, не они!.. Не эти маленькие люди, в сердцах которых, по выражению поэта, “живёт сам Бог” и “плачет рай, когда они страдают” ... Не они... Настоящие виновники – те, кто “довёл их до жизни такой”, — они спокойно сидят в своих уютных кабинетах, далеко, далеко от станции Челябинск...» <...> «Что говорилось в тех распространённых в глухих местах журналов “Нива” и “Родина”, иллюстрации некоторых постоянно подносились детям и жадно рассматривалась ими?.. В них опять тоже требование: крови и крови!.. А те лубочные картины, которые напоминают в глушь и поднимаются здесь на веру, — о чём как на о той-же крови, о чём

---

¹⁷⁶ Война и народные «просветители» // Самарский курьер. 1904. 10 августа. № 52. С. 3.

¹⁷⁷ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 122.

как не о жестокости кричат сии, беспрестанно повторяя в порыве усердия: Смерть, смерть врагу!..»¹⁷⁸.

Как мы видим интеллектуальная часть самарского общества в целом осуждала приёмы, используемые в лубках, считая их расистскими и зачастую недостоверными. По мнению журналистов, власть оказывает медвежью услугу, спонсируя крупные издательства выпускать столь злокачественный продукт. Для иллюстрации в «Самкуре» приводится уникальная статья, в которой рассказывается как самарская деревня видела японцев.

«Вот что нам удалось подслушать на базарах в Чистопольском и Самарском уездах.

— Разве с ним сладишь, — говорил высокий белокурый мужик лет сорока.

—С японцем-то?

—Знамо, с ним.

—Силён, значит?

— Не силён, видишь ты, а он в резинке.

— Это, примерно, как же?

—Одежда у него, бают, вся из резинки и сапоги тоже. Он, значит, как мяч прыгает.

—Н-ну?

— Ей право! Как наши начнут его жарить бомбой, а он прыг, прыг и покатился. В него лупит, а он прыгает. Знамо, рази в него попадёшь в прыгучаго-то!

— А-а! Гляди ты, что делает! А-яй, видно, дошлый, проклятый?

---

¹⁷⁸ Челябинская драма // Самарская газета. 1904. 19 октября. № 235. С. 3.

— Одно слово, не возьмёшь его никак, потому в резинке. А ежели в резинке попадёшь – бомба отскакивает. Ну, и не сладишь.

— Знамо!

<...>

На другом базаре ораторствовал грязный, всклоченный, весь ушедший в густую бороду, мордвин, торговец дёгтем.

— Уж и хитрый пёс! Из псов–пёс.

— Не без того... а то рази не взяла бы наша-то сила! Значит, нашего-то больше хитростью донимать?..

— То-то хитростью.

Выписал, бают, из-за границы диких лошадей.

— Каких диких?

— Зебрами прозываются!

— Как?

— Зебры, слышь

— Та ак! Ну?

— Ну, вот на этих зебрах он и ездит, и никаких манером ни взять, ни догнать его нельзя. Ты его пулей, а он в воду!

— Вплавь?

— Зачем вплавь прям на дно! Эти самые зебры – он и в воде, и на земле живут. Ну ему и сподручно.

— Какая оказия!

— Эх, варвары!

— Знамо, где тут его словить! Ни в жисть!

Через несколько минут зебры превращаются стоустой молвой в жабры, и уж некоторые начинают толковать, что у «японцев» есть жабры и что они могут в воде жить.

Когда слушаешь эти нелепые разговоры, разбираешься в комментариях к этим наивным легендам – становится тяжело... Веет седой стариной; змеями Горыначами, Алёшами Поповичами. И кажется, что в глухих углах ещё до сего времени царствует Владимир. Красное Солнышко, ковыряет землю Микула Селянович и народ молится Перуну»¹⁷⁹.

Абсолютно верить этим данным нельзя, однако нужно понимать, что вероятность вполне велика. Ведь имелась благодатная почва: недостоверные сведения о враге через государственные СМИ (лубок и проповеди); низкий уровень грамотности; господство слухов в крестьянском обществе, а слухи, как мы знаем, имеют свойство искажать первоисточник.

Какую роль играли газеты в передачи сведений о войне в крестьянскую среду? Вспомним, что библиотекам запрещено держать местные газеты и оставалось несколько других способ получать информацию из печати. 1) Подписаться на региональную газету самостоятельно; 2) раздобыть столичный номер в земской библиотеке; 3) читать местный официоз — по-канцелярски сухие «Самарские губернские ведомости». Самостоятельно подписать на газету в условиях военного времени для крестьянина, просто нереальное дело. С учётом дешевизны «ведомостей» по сравнению с частными изданиями первые могли иметь популярность, но стоит иметь ввиду сухость и трудность изложения для типичного крестьянина Самарской губернии. Оставался только второй вариант. Однако Я.С. Гузей приводит статью из «Санкт-Петербургских ведомостей», где крестьяне используют альтернативные способы приобрести газету или журнал: «в одной деревне “целой артелью сложились по несколько копеек и выписали для совместного чтения газету”, в другой – на нее “единолично подписался” богатый, но

---

¹⁷⁹ Деревня о войне // Самарский курьер. 1904. 1 ноября. № 101. С. 2.

неграмотный мужик. В третьей же деревне “мужики снаряжали депутата на станцию”, где “уполномоченный” смело шагал по вагонам проходящего поезда, испрашивая для мирного пользования прочитанные “господами” газеты»¹⁸⁰. Как видно способов была масса. Но можно ли говорить о массовости этого явления в самарском обществе? Можно говорить о наличии позитивной тенденции в самарском крестьянстве, но это лишь частные случаи не имеющие ничего общего с реальным положением дел. В качестве подтверждения стоит обратиться к количеству грамотных в Самарской губернии. Итак, газеты играли наименьшую роль в деле освещения событий на фронте для самарского крестьянства по сравнению с другими источниками.

Слухи сильнейший рассадник домыслов и небылиц о войне. Т.к. они не поддаются учёту, то сложно установить их влияние. Потому мы ограничимся лишь общей характеристикой этого вида информации. Переходя от одного звенья коммуникационной цепи к другому сведения искажаются и сеют смуту, страхи, питают надежды и другие чувства. Все слухи в конце концов изначально основываются на письменный источник.

Таким образом, в Русско-японскую войну в самарской деревне существовали различные виды источников информации о войне: слухи, газеты, проповеди, лубок и левая пропаганда (как в устной форме, так и в письменной). Каждый вид по-своему распространял информацию, и по-своему интерпретировал происходящее в Маньчжурии и внутри страны.

Слухи влиятельнейший информатор для необразованной крестьянской массы, но установить это самое влияние не представляется возможным из-за дефицита письменных подтверждений.

Газеты имели весьма слабое влияние на самарскую деревню по двум причинам:

---

¹⁸⁰ Гузей Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: дис. ... к. и. н.: СПб., 2014. С. 142.

1. Большинство селян было безграмотным
2. Недоступность местной хроники из-за высоких цен на подписку, которые были не подъемны для основного податного сословия в условиях войны.

Проповеди шли из уст православного духовенства. Мы рассматривали журнал «Самарские епархиальные ведомости», т.к. он является прямым отражением позиции церкви на многие вопросы, в том числе проблемы войны. Как апологет традиционных ценностей и формулы «за веру, царя и Отечество» церковь до 1905 долго поддерживала власть. Однако после громких поражений русской армии на Востоке в журнал стали просачиваться статьи, посвящённые усталости народов от конфликта на дальних рубежах. На Портсмутский мир церковь никак не отреагировала, а продолжала работать в штатном режиме. Отчасти это оправдано ведь журнал имел задачи морально-нравственного наставления населения и освящение жизни церкви в целом, и епархии в частности. С учётом того, что церковь являлась аккумулятором гигантских денежных средств для благотворительности, можно утверждать, что крестьяне ей доверяли. Доверяя ей свои сбережения, они вполне могли верить и информации ею предоставляемой.

Лубок показал себя не с лучшей стороны. С самого начала войны правительство осознала важность отнюдь не только донесения информации о противнике, но и правильно сформированного образа врага. Одним из сильнейших инструментов для достижения цели мог стать лубок — любимый вид народного творчества. Однако это был уже не тот лубок, который мы привыкли видеть в XIX веке. Старый лубок претерпел метаморфозы и превратился в пропагандистский плакат. Темы войны в годы Русско-японского конфликта стал доминирующей. Одна картина была краше другой. В панегирических тонах изображался русский солдат и святая Русь, бравурная риторика кричала о скорых победах. Однако вскоре выяснилось, что конгруэнтности между лубком и реальным миром нету. Поражение за

поражением, и в 1905 году лубок стих окончательно (основная масса картинок изданы в 1904 году). Для определения влияния лубка на самарское крестьянство мы обратимся к Е.С. Сенявской. Которая утверждает, что несмотря на поражения тыл слабо менял своё мнение о японцах, он уже жил теми установками, что заложили в него в начале войны. В то время как на фронте, люди коренным образом меняли своё представление о стране Восходящего солнца, т.к. оппоненты, встречались без идеологических «фильтров», что господствовали в тылу. «Сложнее этот процесс протекал в русском тылу, куда информация поступала с запозданием и искажением, как правило, преобразованная средствами пропаганды, преломленная в слухах и домыслах, и т.д. То есть идеологический (и культурологический) “фильтров” здесь не только действовал сильнее, чем на фронте, но зачастую оказывался определяющим. Таким образом, существенно повлияв на сознание русского общества, в том числе на его отношение к Востоку (оказывается, “дикие азиаты” способны победить цивилизованную Европу!), русско-японская война, тем не менее, не смогла полностью разрушить довоенные стереотипы»¹⁸¹.

Листовочная литература представлена двумя политическими группировками, пытающиеся достигнуть своих политических целей — ПСР и РСДРП. Листовки обеих партий имел ряд особенностей и отличий. Сходств было куда больше, что предопределило попытки эсеров и эсдеков скоординировать действия в области агитации. По большей части безуспешных из-за разногласий в политических программах и разницы в социальных предпочтениях. Листовки всячески искажали факты и цифры в угоду главной цели — вызвать бурю негодования у населения для последующего изменения государственного (общественного) устройства. Листовки революционеров требовали обратить оружие на «преступную» власть вместо японцев, свергнуть самодержавие, истребить капиталистов и

---

¹⁸¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 319.

иных пособников режима, препятствовать мобилизации, чинить диверсии правительству и т.д. Революционеры занимали откровенно пораженческую позицию. Власть пыталась дискредитировать левых радикалов и распространяла слух о денежных вливаниях японского правительства в ЦК различных революционных групп. Данная провокация не имела успеха, а современная историография окончательно закрыла вопрос о степени воздействия японских финансов на развитие революционного движения не в пользу сторонников «революции извне». Влияние революционных прокламации в разжигании революции трудно отследить, но нужно иметь в виду, что слухи о «царских манифестах», легитимизирующие беспорядки подогревались именно революционной пропагандой.

Мы приходим к выводу, что первопричиной революции являются давно назревшие противоречия в российском обществе, наложенные на них сиюминутные проблемы от Русско-японской войны и её специфических трудностей: 1) порочная система комплектования армии, вынуждающая семейных отправляться на войну, тем самым оставляя семьи этапированных на голодную смерть; 2) плохое обеспечение пищей и водой призывников; 3) не популярность войны вызвало отторжение общины от малоимущих членов общины (вдов, сирот, многодетных семей). В таких благодатных условиях радикальная пропаганда вписывалось общую канву событий как нельзя кстати. А сами листовки в большей степени нацелены не на крестьян, на тонкую прослойку в деревне — «умных людей», образованных и сторонников социалистического переустройства России. Подвести итоги хотелось бы статистикой настроений в самарской деревне. «К началу 1905 г. только 10% селькоров (и тех, о ком они писали) придерживались патриотических настроений, 19% – равнодушны к войне, у 44% – настроение унылое и тягостное и, наконец, у 27% – отношение резко отрицательное»¹⁸².

---

¹⁸² Буранок А.О. О беспорядках, производимых нижними чинами на Самаро-Златоустовской железной дороге в 1904–1905 гг / А.О. Буранок // Платоновские чтения: материалы XII Всерос. конф. молодых историков. Самара, 2006. С. 92.

А также оценкой противостояния между японской и отечественной пропагандистскими машинами А.М. Волконского, служившего при Главном штабе армии. «Россия проиграла идеологическую войну: печать, которая “должна была прийти солдату на помощь” и объяснить ему “для какой цели умирать в Маньчжурии” не сделала этого»¹⁸³.

2.2. Война на страницах губернской печати

Аналогичным с деревней способом рассмотрим социальный, образовательный, социально-экономический портрет городского обывателя — главного потребителя самарской периодики.

Самара, как и большинство губернских центров имело крепко выстроенную инфраструктуру, позволяющее иметь в наличии здания не только определяющее экономическое благосостояние города, но и разнообразить архитектурную ткань города сооружениями культурного и образовательного назначения. «В конце XIX – начале XX в. многие губернские города представляли собой развитые центры культурной жизни. Помимо школ, библиотек, музеев, театра, интеллектуальная, умственная жизнь в этих городах сосредоточивалась в рамках довольно многочисленных общественных организаций и научных обществ. Это были благотворительные и попечительные общества, сословные и профессиональные организации, клубы для досуга и развлечений, общества любителей культуры и искусства, научно-просветительские центры»¹⁸⁴. В Самаре располагались следующие городские общественные учреждения: Городская Дума, Городская Управа, Сиротский Суд, Общественный банк,

---

¹⁸³ Волконский А.М. Война, печать и общество. СПб. 1905. С. 9.

¹⁸⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 164.

Городское общество взаимного от огня страхования, ломбард, больница, водопровод и электростанция, скотобойня, Контора берегового сбора, Самарский биржевой Комитет, Мещанская Управа и др.¹⁸⁵.

Рассмотрим образовательные возможности города. В 1902 г. в Самаре содержались следующие учебные заведения: мужская гимназия (529 учащихся), женская гимназия (957 учениц), реальное училище (370 учащихся), 36 городских классных училищ (5146 учащихся обоего пола), 15 церковно-приходских школ (687), школа грамоты (33), 3 приюта (154), среднее сельскохозяйственное училище (119), коммерческое семиклассное училище (139), духовная семинария (367), духовное училище (189), епархиальное женское училище (540), земская школа сельских учительниц (229), земская фельдшерская школа (259), техническое железно-дорожное училище (85), низшее ремесленное училище (46), ремесленный приют-училище (52), училище для слепых (27).¹⁸⁶ Таким образом, имелось 70 начальных и средних учебных заведения, в которых обучались 5196 мужчин и 4137 женщин. Однако отсутствие высшего учебного заведения остро ощущала интеллектуальная элита города.

В 1904 г. в Самаре существовали следующие книжные магазины: «Польза», К.П. Головкина, Алексеевского Братства, Библейского общества, купца И.Г. Головкина, М.Я. Плескова, П.М. Терентьева⁶⁵⁴ и другие, на рубеже веков в Самаре существовали десятки книготорговых организаций¹⁸⁷. Ассортимент магазинов пополняли иногородний торговцы. Офени, странствующие торговцы, распространяли в своих лотках лубки, книги. Оптовой книжной торговлей в Самарской губернии занимались церковь, общественный организации и земства через разветвлённую систему книжных складов. Помимо книжных лавок и бродячих торговцев, жители губернии

---

¹⁸⁵ Там же. С. 164

¹⁸⁶ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 148.

¹⁸⁷ Там же. С. 225.

могли сделать заказ любой печатной продукции по почте, заплатив N-ую сумму за пересылку. «Если в XIX веке книжные магазины, почтовая пересылка, приезжие книготорговцы были основными и зачастую единственными источниками получения литературы в провинции, то в пореформенное время появился, а к началу XX в. развился ещё один канал поставки информации – железная дорога»¹⁸⁸.

Сакральным место для образования в XX была библиотека, место где любой желающий мог приобщиться к книге совершенно бесплатно. «С пятидесятих годов начинается заметное умственное движение в Самарском обществе и одним из его проявлений является устройство библиотек, которых в настоящее время восемь больших, а именно: 1. Общественная публичная библиотека; 2. Гимназическая; 3. Семинарская; 4. благородного собрания; 5. Сельско-хозяйственного собрания; 6. Купеческого собрания; Книгопродавца Грау; 8. Книгопродавца Сперанского (две последние вместе и книжные лавки). Мы не говорим о менее значительных или чисто специальных библиотеках, как, например: при статистическом комитете; при миссионерском обществе, состоящей из книг, относящихся собственно до раскола; библиотека при духовном училище, при учительской семинарии, при женской гимназии, при земской школе сельских учительниц, при управлении воинского начальника и при некоторых других учреждений»¹⁸⁹. Помимо крупных имелись библиотеки иных категорий: досуговые, наполненные художественной литературой для госслужащих; духовно-просветительские, организованные при церквях, соборах, костёлах, синагогах, мечетях эти учреждения должны были приобщить людей к основам религии; политические библиотеки, сложившиеся при первых революционных кружках и губернских отделениях кадетов, черносотенцев, эсеров и эсдеков. Дворяне, купцы и мещане посещали платные публичные

---

¹⁸⁸ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 221.

¹⁸⁹ Алабин П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 109.

библиотеки, и содержали личные коллекции книг, которыми активно обменивались. Государство и местные власти поддерживала строительство библиотек, преследуя две цели: 1) повысить образованность чиновников, иереев, учителей для увеличения их эффективности; 2) отвлечь выше представленные категории от пагубных привычек (пьянства и азартные игры).

Далее обрисуем основные штрихи социального портрета города Самары. В городе проживали разные слои населения: дворяне, купечество, духовенство, купцы, мещане почётные граждане, воинские чины с семьями, крестьяне. «Найти два города с одинаковой сословной структурой очень трудно. <...> В одном месте преобладающим сословием могли быть мещане, в другом — крестьяне, а в третьем какие-нибудь “разночинцы”. К тому же сословная структура довольно быстро менялась. Не отличалась стабильностью и практика её учёта»¹⁹⁰. За многими начинаниями в Самаре стояли интеллигенция и купечество, именно они играли особую роль в общественной жизни губернского городка. Первые предоставляли свой багаж знаний, инициируя многие общественные проекты, вторые — финансово поддерживали их.

Дворяне. Дворяне были на вершине русского общества начала XX века. Имели привилегии и поддержку государства во многих отраслях. В сознании дворян устоялись определённые идеалы: защита Отечества, господство православной монархии. «Конечно, представителям дворянского сословия были свойственны и определённые недостатки – нерасчётливость, жизнь сверх потребностей, неумение неустанно трудиться, полупрезрительное отношение к другим сословиям»¹⁹¹. Этот букет из отрицательных черт породил комплекс стереотипов о дворянах, которыми последние были крайне обеспокоены. В своих воспоминаниях князь С.Е. Трубецкой пишет, что один

---

¹⁹⁰ Зорин А.Н. города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 119.

¹⁹¹ Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006. С. 49.

лишь княжеский титул менял отношение к собеседнику. «Надо сказать, что мое “княжество” естественно вызывало холодное и недоброжелательное отношение среди «левых» и даже вообще интеллигентов»¹⁹².

В политическом спектре дворяне делились на две группировки: консервативных и либеральных. Пока первые господствовали в отжившем свой век дворянском собрании, вторые доминировали в Самарской губернии и земствах. Как писал Н.П. Карабчевский, в своих мемуарах, подмечая что все меньше людей посещают дворянские собрания по причине прогулов. Русско-японская война всколыхнуло консервативное дворянство в политическом смысле. «Внутри самого сословия, вначале, “политиканы” были наперечет, но в последнее время, начиная с несчастной японской войны, их число все увеличивалось и деятельность их приобретала характер настойчивой планомерности»¹⁹³.

Отношение к остальным категориям граждан дворяне имели не однозначное отношение. К либеральной интеллигенции буржуазия дворяне испытывали подозрения, но понимали своё бессилия с ними бороться. К бюрократии — зависть, т.к. государство поддерживает именно их, а не свою верную опору — дворян. Бюрократия, по их мнению, была безыдейна, чужда интересам русского человека и неразборчива в проблемах простого народа.

В пореформенной России статус дворянства пошатнулся, и постепенно начали передавать свои полномочия другим сословиям и классам.

Купечество. Подлинным хозяином самарской земли были купцы. Они аккумулировали гигантские средства и были проводниками капиталистических отношений в самарском крае. Так, богатейшие самарские купцы Шихобаловы, Курлины, Сурошниковы, Субботины, Неклютины вели активную торговлю хлебом не только внутри страны, но и за её пределами.

---

¹⁹² Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 53-54.

¹⁹³ Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели: Революция и Россия. Берлин., 1921. С. 13.

Именно это сословие инвестировала во все социальные проекты губернии, и стояло за многими начинаниями в благоустройстве города.

Мещане или «забытое сословие». Основными источниками пополнениями этого сословия стали: крестьяне, мигрировавшие в город на постоянное место жительства, разорившийся купцы; разорявшийся или сменявшие профессиональную ориентацию цеховые. Основным источником пополнения всё-таки были крестьяне, несшие в город крестьянские черты повседневности и менталитет¹⁹⁴. Крестьянское происхождение большинства мещан (нужно отметить, что населения города пополнялось за счёт миграционных процессов, а не естественного прироста), во-первых, тормозило развитие буржуазного менталитета, во-вторых, являлись носителями и распространителями крестьянского менталитета в городской среде¹⁹⁵.

Рабочие. Менталитет рабочих, по мнению Б.Н. Миронова, оставался в рамках традиционных крестьянских представлений. Рабочие коллективы пытались воспроизвести самоуправляющиеся сельские общины¹⁹⁶. «Особенно большое влияние крестьянские мигранты оказывали на рабочих – новый класс, сформировавшийся после эмансипации, поскольку в последней трети XIX в. он примерно на 80% рекрутировался из крестьянства и лишь на 20% – из представителей других сословий, преимущественно мещан и ремесленников. Именно поэтому рабочий класс более всех других городских групп населения сохранил следы традиционного крестьянского менталитета»¹⁹⁷.

В начале XX века рабочие были лояльны существующей власти и хотели улучшения жизни в его рамках. И представления о социализме были весьма

---

¹⁹⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 181.

¹⁹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 342.

¹⁹⁶ Там же. С. 344.

¹⁹⁷ Там же. С. 343

туманны. Однако следов буржуазной этики тоже не наблюдалось, к своей собственности относились отрешенно, к чужой — как луддиты. Социально-экономическое положение было плачевное, зарплата скудная и по большей части удерживалась через систему и недобросовестностью работодателя. Рабочий день мог достигать 14 часов. С началом войны положение ухудшилось. «На заводах удлинялся рабочий день для выполнения срочных военных заказов. Снижались расценки. Возросли штрафы. Поднялись цены на предметы первой необходимости»¹⁹⁸. В условиях острой нужды, продолжительного рабочего времени ни о каком сознательном поиске информации о войне не может идти и речи. Рабочие вынуждены перебиваться слухами, гуляющих по цеху.

Военные. Эта прослойка была довольно пёстро представлена. В неё входили не только сами военные, но и те, кто к ней не имеет никакого отношения. «Категории горожан, связанные службой, были разные: “состоявшие в действительной службе”, отставные, временно бессрочно отпускные нижние чины и члены их семей, запасные нижние чины из крестьян и мещан, солдатские жены, вдовы и дети»¹⁹⁹. Непосредственно в Самаре к началу 1904 г. находились следующие армейские части и учреждения: управление 3-й запасной артиллерийской бригады (командир – генерал-майор А.В. Сергеев), управление 61-й пехотной резервной бригады (командир – генерал-майор Д.С. Бутурлин), 215-й пехотный резервный Бузулукский полк (командир – полковник П.Н. Малюженко), 244-й Борисовский резервный батальон (комбат – подполковник П.П. де Спиллер), самарская конвойная команда, лазарет, продовольственный магазин²⁰⁰. С началом Русско-японской войны Самара становится важным железнодорожным узлом по переброске войск из центральной и западной

---

¹⁹⁸ Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. С. 151.

¹⁹⁹ Зорин, А.Н. города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 119.

²⁰⁰ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 68-75.

России на восток, в связи с чем присутствие военных в городе резко возрастает.

Таким образом, на 1904 год Самара являлась крупным торговым и транспортным узлом в Среднем Поволжье. В Самаре существовали телеграф, почта, книжные магазины, библиотеки, развитая железнодорожная инфраструктура, многочисленные учебные заведения, своё книгопечатное оборудование и собственную прессу. Потому в информационном плане Самара являлась репликой своих столичных коллег в соответствии с масштабами провинциального города. Однако существующий вакуум в высшем образовательном звене создавал препоны для планомерного и повсеместного развития образования в губернии, а значит мешал популярности периодики в самарском обществе.

В социальной структуре самарского общества, зияет дисбаланс. Это связано с историко-культурными, социально-экономическими особенностями края, а также с высокой социальной мобильностью населения, вызванной интенсификацией капиталистических отношений в российском обществе в пореформенный период. Интеллигенция и купечество де-факто играют ключевую роль в развитии города. Дворяне де-юре сильнейшее сословие в обществе, но постепенно уходит в тень. Мещане и рабочие количественно преобладают над остальными сословиями, самая социально мобильная часть населения. Также обе группы являются носителями крестьянского менталитета, а потому интуитивно будут полагаться на источники информации свойственные для крестьянского сословия. Военные всецело зависят от сословия, в котором они прибывали ранее, но т.к. 90% всех призываемых это крестьяне, то выводу напрашиваются сами.

Можно разделить сословия и классы Самары на типы, к которым они относятся в зависимости от предпочтений в источниках информационного обеспечения. Дворяне, купечество, интеллигенция будут основываться на

газеты и журналы. Причём консервативное дворянство вероятнее всего проигнорируют либеральные издания из-за несогласованности с их точкой зрения и личной неприязнью к либеральной интеллигенции. Мещане, военные, рабочие могут иметь разномастные вкусы. Обеспеченные и образованные мещане будут ориентироваться на печатную продукцию, в то время как бедные мещане и рабочие в силу бедности и высокой занятости предпочтут жить в царстве слухов.

Исследование проблемы войны на страницах Самарской печати построена на анализе газетных полос, содержащие новости о важных моментах войны: нападение японцев на порт-артурскую эскадру с 26-27 января, битве при Чемульпо, сражении у Вафангоу, Ляоянское сражение, взятие Порт-Артура, , заключении мирного договора.

Кроме газет мы рассмотрели адрес-календарь, потому что помимо статических данных о Самарской губернии он содержал статью, посвящённую Русско-японской войне. По мнению А.О. Буранка данная статья является обобщающим материалом наличествующих в либеральных столичных изданиях²⁰¹, потому мы будем изредка к этой статье обращаться. Так как она является компилятивной работой на основе столичной печати с которой была солидарна печать провинциальная. Эта солидарность выражается частым размещением материалов из центральных газет.

Опустим причины войны, и поиск виноватых в конфликте, т.к. это отдельный объект исследования. Война началась в ночь с 26-го на 27-го января 1904 года с неожиданной атаки японцев на русскую эскадру,

---

²⁰¹ Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... к.и.н. Оренбург, 2009. С. 248.

стоявшая неподалёку у Порт-Артура. Предпринятый японцами шаг обосновал справедливость войны и необходимость доведения её до победного конца.

Начальный период войны характеризуется подъёмом патриотизма в массах, газеты повально перепечатавают манифест Николая II о начале войны с Японией, выпущенного 29-го января. А либерально настроенные подданные призывали сплотиться вокруг Царя и дать отпор коварному врагу. «В различных местах необъятной России последовали патриотические движения, при участии учащейся молодежи. <...> Со всех концов получались известия о щедрых пожертвованиях на нужды военного времени»²⁰². О солидарности царя и легальной прессы, говорит встреча императора с российскими журналистами 25-го февраля в Зимнем Дворце²⁰³.

После «объявления» войны на страницах газет началась череда подвигов. Первыми героями стали выжившие матросы крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в битве у порта Чемульпо, ставшими национальными героями. В Адрес-календаре содержится дальнейшая судьба моряков. «Вся Россия с гордостью узнала подвиг героев Чемульпо и с радостью приветствовала их возвращение на родину. От Севастополя до Петербурга поездка героев была истинным триумфальным шествием. Горячие приветствия, сердечные благодарности и восторги соотечественников сопровождали весь их путь, который завершился грандиозным триумфом в Петербурге 16 апреля»²⁰⁴. В Петербурге матросам был устроен пышный приём лично императором, сравнивший моряков с героями кораблей «Азов» и «Меркурий».

---

²⁰² Русско-японская война // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 237.

²⁰³ Русско-японская война // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 240

²⁰⁴ Русско-японская война // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 247.

Вторым и последним геройским кораблём вместе с экипажем стал эсминец «Стерегущий». «В иностранных газетах появилось сообщение о беспримерном подвиге двух русских матросов, погибших вместе с нашим миноносцем «Стерегущий» во время боя у Порт-Артура. «Стерегущий», окружённый неприятельскими крейсерами, не хотел сдаться и бился, пока от команды осталось всего 5 человек; наконец, когда миноносец получил много пробоин и не было никакой надежды на спасение, оставшиеся в живых матросы бросились в море, а двое заперлись в трюме и открыли приспособления, посредством которых можно всегда впустить в корабль воду и затопить его. Японцы взяли было на буксир миноносец, но он, благодаря двум героям, пошёл ко дну. Подвиг этих двух матросов полон такого высокого понимания чести своей родины, что их имена должны быть дороги каждому русскому моряку»²⁰⁵. Однако статья не содержит ни одного имени члена экипажа.

После чего началась полоса неудач. Сначала смерть адмирала Макарова 31 марта, (о смерти, а точнее о панихиде которого есть в «Самарских епархиальных ведомостях») потом сражение под Вафангоу 1-2 июня. Со времени Вафангоу в прессе стали появляться свидетельства о непомерной жестокости японских солдат (убийство пленных, пытки). «Подобные зверства кладут весьма прочное пятно на японскую армию и ставят японскую культуру под большое сомнение»²⁰⁶. Цель этих обвинений стала дискредитация Японии в мировом и российском сообществах. Однако в Самарской печати стали проникать пока ещё кроткие попытки объективного освещения врага. Так в «Самкуре» на последней странице, где обычно расположена реклама размещена история русских, побывавших в японском плену. Это рассказ дальневосточных мастеровых о японцах, оказавшихся на миноносце японской армии. Через весь рассказ белой нитью виднеется

---

²⁰⁵ Русско-японская война // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 189.

²⁰⁶ Русско-японская война // Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 203.

недоверие к японцам, сменяющимся спокойствием и однозначным выводам в отношениях соседей с Японских островов: «Тут мы убедились, что не так страшен японец, как его малюют, и, проголодавшись, уже без опаски начали уплетать японские угощения»²⁰⁷.

Газеты центральных и местных ведомственных учреждений кормили читателя бравурными репортажами А.Н. Куропаткина, в которых тактические успехи представлялись, как крупные стратегические победы. Такой тактике правительственные газеты будут придерживаться до самого заключения Портсмутского мира. Как правило это небольшие стычки, успешные операции казацкой кавалерии или взятие в плен небольших групп. «Попытки японцев выбить нас с занятой позиции были отражены...»²⁰⁸, «... при овладении селениями Хуалатоза, Тутайцзы и Хейгоутай мы взяли 100 пленных...с потерями 50 нижних чинов»²⁰⁹. «Закололи 50 японцев, у нас потерь нет»²¹⁰. На фоне пораженцев, убеждающих о скором поражении (а всё к этому и шло) и либералов менявшие свои взгляды на противника, редакторы «Ведомостей» выглядели ретроgrадами, оторванных от реальности.

С 12 по 21 августа разыгралась новая драма. Сражение под Ляояном, между Маньчжурской армией Куропаткина и 1-й, 2-й, 4-й армиями японцев. Изначально в самарских газетах имелись перепечатки телеграмм из столичных газет, содержащие аналитику петербургских журналистов. Многие отмечали некоторое превосходство армии Куропаткина. Однако от 22 августа появились сообщения, что ещё 19 августа русская армия начала отступление (до Самары новости приходили с задержками, в следствии удалённости от очага событий). А 24-го числа появились две телеграммы от генерал-адъютанта, в них Куропаткин докладывал о целесообразности

---

²⁰⁷ На джонке из Дальнего в Чифу // Самарский курьер 1904. 3 июня. № 19. С. 4.

²⁰⁸ Самарские губернские ведомости: неофициальная ч.1905. 22 января. № 7. С. 1.

²⁰⁹ Самарские губернские ведомости: неофициальная ч.1905. 22 января. № 7. С. 1.

²¹⁰ Самарские губернские ведомости: неофициальная ч.1905. 29 января. № 9. С. 1.

отступления к Мукдену²¹¹. Сражение завершилась поражением и очередным отступлением русского войска.

26 и 27 августа в «Самарской печати» из «Русских ведомостей» были перепечатаны две статьи в которых выдвигается вотум недоверия официальным донесениям, но вместе с этим автор сдержанно даёт оптимистичный прогноз. «Право, начитавшись этих восторженных описаний, каждый вправе задать вопрос: почему японцы ещё не разбиты на голову, почему требуются от народа новые тяжёлые жертвы, почему новые и новые полки идут на Восток?»²¹². Но военная кампания продолжается, и журналист подбадривает читателей. «Вообще говоря, до 22-го августа не произошло никаких серьёзных событий, которые могли бы поставить нашу армию в безвыходное положение. Пока армия крепка духом и бодра, неудачи и потери не могут сломить её силы, и она остается способной, после отдыха и прибытия подкреплений, выдержать новые бои и марши; кампания вовсе ещё не проиграна»²¹³.

Своеобразным ответом этим положениям из столицы становятся статьи в либеральных газетах губернии. Первая статья из «Самкура» касается вопроса панегирического тона государственных СМИ и вред, которые они несут. Автор обличает патриотов, которые восхваляют русский народ не пытаясь показать минусы помещая последний в скорлупу из лести. Тех, кто с остервенением поливают японцев грязью. А в это время наживаются на русском народе. «Вот к чему приводит нас “точка зрения”: человек, искренно любящий свою родину, но беспристрастно рассуждающий о положении дела, не замалчивающий тёмных сторон русского народа и войска, не брызгающий слюной по адресу японцев, — этот человек не патриот, изменник. А люди, снимающие с человека последнюю шкуру, но с елеем на челе и победными криками в устах, — такие люди зовутся “истинно

---

²¹¹ Самарская газета. 1904. 24 августа. № 183. С. 2.

²¹² Конец ляоянской битвы // Самарская газета. 1904. 26 августа. № 185. С. 2.

²¹³ Конец ляоянской битвы // Самарская газета. 1904. 27 августа. № 184. С. 2.

русскими людьми”. Долой лицемерие! Русский народ не требует себе похвалы и лести. Он велик со всеми своими недостатками достоинствами. И велик тем, что не требует застоя и самоуслаждения, а стремится “все выше и выше”, рвёт преграды и хоть и падает, но идёт по пути прогресса, сознавая свои слабости и уничтожая их постепенно. Истинно русский патриот не терпит замалчивания своих недостатков. Он в враге видит достоинство»²¹⁴. Корреспондент обличает пестование информационной блокады населения и предоставление народу ложных знаний о враге.

«Молот» из «Самзага» не разделяет оптимизма газетчика «Русских ведомостей», выворачивая изнанку войны. Войны, в которой члены семьи не могут узнать о состоянии здоровья родственников. Автор затрагивает проблему корреспонденции в период войны, приводя в пример диалог женщины с телеграфистом:

«— Они дерут такие деньги, и что же? Что дают они за это? Телеграммы с запозданием на целых пять дней, которые кажутся не днями, а вечностью... Телеграммы о человеке, который там, на Дальнем Востоке проливает кровь!..

— Но ведь телеграмма это — роскошь! — попробовал кто-то возразить.

И, говорившая, нервно забегала по комнате:

— Роскошь? — Роскошь — желание иметь сведения о близком человеке не через месяц, а через несколько дней?.. Роскошь — читать о нём два-три слова, которые, быть может, являются теперь уже его последней лебединой песней!..»²¹⁵.

В силу географического фактора война не особо интересовала местную печать, да и обывателей в целом. В печати к ней обращались лишь в преддверии крупных сражений или после, газетные полосы начинали пестрить аналитическими статьями. Между ними о войне словно забывали

---

²¹⁴ Война и «умные» патриоты // Самарский курьер. 1904. 6 августа. № 49. С. 4.

²¹⁵ Из жизни // Самарская газета. 1904. 18 августа. № 176. С. 3.

пока не прогремит очередная информационная бомба, посвящённая новому поражению. Народ устал от войны, а сердце его очерствело. «Самгаз» печатает заметку, передающая отношение народа к войне. «Но с течением времени всё проходит. Тоже случилось и теперь. Война постепенно закаливала обывателя, нервы его огрубевали... Он сначала горячился, кипел. Потом переходил в состояние безразличия. Затем все “образовалось” и обыватель постепенно возвращался к “очередным делам”»²¹⁶.

Газеты работали в штатном режиме, публикуя стихи, записки на тему краеведения, советы по ведению хозяйства. Лишь иногда всплывали небольшие сообщения, напоминающие о боевых действиях в Маньчжурии. Эти информационные крапины, наполнены материалами о Японии. «Самкур», например, посвящает читателей в особенности японской мифологии и рассказывает историю о богини Аматерасу²¹⁷. Через день выходят письма военнопленных, один из таких заложников войны рассказывает о Японии и своём отношении к ним. «Интересная заметка от военнопленного Максимова, которые пишет из плена говорит об иной точки зрения о Японцах. «Климат здесь ровный, виды восхитительные, народ добродушные, честный, очень способный к высшей культуре <...> Я зол, зол как не знаю кто, но причиной злости не могу выставить японцев – было бы несправедливо»²¹⁸. Ещё через некоторое время сообщается о создании русско-японской лиги цель которой умиротворение сторон²¹⁹. Эта показывает аналогичную усталость и в японском обществе несмотря на блистательные победы.

Настоящим ударом стала сдача Порт-Артура японцам 20-го декабря, однако на страницах «Самарской газеты» новость появляется лишь 23-го числа. «Молот» снова выпускает разгромную статью обличительного

---

²¹⁶ Грёзы и жизнь // Самарская газета. 1904. 15 октября. № 225. С. 3.

²¹⁷ Дракон Ятама // Газета Самарский курьер. 1904. 4 декабря. №164. С. 3

²¹⁸ Письмо из плена // Самарский курьер. 1904. 14 декабря. № 174. С. 1.

²¹⁹ Русско-японской лиги // Самарский курьер. 1904. 19 декабря. № 179. С. 2.

характера. «Наконец, случилось неизбежное: Порт-Артур пал. Лживые сообщения, создаваемые продажными или несуществующими китайцами, никого не обманывали. Было ясно, что на омытом человеческой кровью клочке земли царят ужасы, и вчерашние телеграммы генерала Стесселя открывают перед нами слегка завесу, скрывавшую доселе от нас истину. Десятки тысяч больных, раненых и цинготных!»²²⁰ Статья подводит читателя к призыву и грядущим переменам, обрисовывая новую линию фронта — гражданскую. «Наше право, наша справедливость – не во вчерашнем дне, не в полях Манчжурии, а в ждущих от нас ответа запросах завтрашнего дня и здесь, внутри России»²²¹.

Вскоре жертвы и пленные начали возвращаться обратно домой, Самара отреагировала на это событие различными благотворительными инициативами. В «Самгазе» содержится призыв о помощи семьям погибших и раненым фронтовикам, вернувшихся на Родину, но не способных вести хозяйство самостоятельно. «Необходимо немедленно приступить ко всегородской организации оказания помощи семьям русских людей, сложивших головы на далёком клочке чуждом России крае» <...> «тысяча семей после падения Порт-Артура остались без кормильцев выбитыми из колеи обыденной жизни. Пред ними уже теперь встаёт страшное “завтра”»²²². К концу 1904 под нужды мобилизации министр Народного просвещения удовлетворил об использовании учебных заведений для размещения раненных²²³.

А некоторые частные лица предоставили свои покои для разгрузки медицинских учреждений. «В задачах Местного Управления было также подготовить, надлежащим образом оборудование, больницы для принятия эвакуируемых с театра военных действий больных и раненных воинов. При

---

²²⁰ Порт-Артур пал // Самарская газета. 1904. 23 дек. № 267. С. 2.

²²¹ Там же.

²²² Помощь семьям Артурцев // Самарская газета. 1905. 6 января. № 5. С. 3.

²²³ Казармы в школах // Самарский курьер. 1904. 22 декабря. № 182. С. 2.

единодушном сочувствии со стороны местных общественных учреждений и частных лиц, эта задача оказалась также выполнимой и в настоящее время в распоряжении Самарского Местного Управления имеются для указаний цели следующие больницы: 1. Больница Самарской Ольгинской общины Красного Креста на 25 кроватей (для офицеров), 2. Больница Самарского Городского Общества имени Плешанова на 90 кроватей (40 для офицеров и 50 нижних чинов), 3. Самарский народный дом на 150 кроватей, 4. Самарская частная поликлиника на 2 кровати (для офицеров) 5. Самарская Губернская больница на 75 кроватей (15 для офицеров и 60 нижних чинов) и 6. Городская больница на 10 кроватей. Кроме того, в Местное Управление поступило заявление о готовности предоставить помещения для больных и раненных воинов, при полном содержании на время пребывания, от следующих лиц: 1. Управляющего экономией княгини Щербатовой в Самарском уезде на 15 человек. 2. Дворянки О.А. Аксаковой на 15 человек. 3. Дамского кружка в селе Покровское на 30 человек и 4. Владельца кумысолечебного заведения в Самаре дворянина С.Н. Постникова на 10-15 человек»²²⁴.

На фоне страшного поражения, наплыва раненых, реального понимание скорой капитуляции армии на востоке в газете стали публиковать слухи о переговорах, и даже были размещены примерные условия мирного договора. Народ устал от войны и желал скорого перемирия, не желали этого лишь прогосударственные издания.

«По японским сведениям, перепечатанным в ем. газетах, японские условия мира таковы

1. Россия отказывается от всех исключительных прав над Маньчжурией
2. Китай обязуется пригласить на высокие государственные должности чиновников из Японии, Англии и Америки, в

---

²²⁴ Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. Самара, 1905. С. 251.

количествах не менее 30 человек, для проведения в Маньчжурии реформ и для открытия ее портов.

3. Япония оставляет войско (более двух дивизий), распределённое в главнейшие города Маньчжурии для безопасности проведения военных и административных реформ. Япония обязуется постепенно убирать свои войска. Оккупация Японией Маньчжурии продлится семь лет, причём содержание ее войска ляжет на Китай.
4. Россия отдаст Японии остров Сахалин.
5. Приморская область будет объявлена независимой
6. Китай отдаст России, как компенсацию за отнятие Маньчжурии – территорию на северо-западе пустыни Гоби.
7. Россия обязуется уплатить контрибуцию в 500 000 000 йен, передаст Японии весь капитал русско-Китайского банка и все права и обязательства этого банка.
8. Россия обязуется, с целью гарантировать Дальний Восток от дальнейших захватов – но держать там более 10 военных судов
9. Реорганизация и устройство китайской армии будет поручено японским инструкторам; наблюдение за флотом Китая – предоставляется Англии и Японии.
- 10.К Китаю возвращаются порты: Вейхавей, Талиеннаи, Кяочао.
- 11.Япония арендует на 25 лет Амой и Фу-чжоу и отменит прокламацию 1895 года, касающуюся Формоского пролива.

Что же касается Кореи:

1. Япония держит свой войско в главнейших пунктах Кореи.
2. Корея не будет решать никаких важных вопросов, без предварительного разрешения Японии.
3. Корея без согласия Японии не заключает никаких внешних займов.

4. Корея передаёт Японии управление почтой и телеграфами.
5. Корея обязуется пригласить к себе высоких сановников из Японии для введения в стране административных и судебных реформ.
6. Корея не может содержать своего флота и поручает защиту своих берегов Японии.
7. Корея обязуется пригласить японских инструкторов для реорганизации и образования своей армии.
8. Иностранцы могут жить везде в Корее, однако, право землевладения в Корее будет принадлежать исключительно Японии.
9. Япония ежегодно субсидирует корейский двор в размере одного миллион йен.»²²⁵.

Сложно сказать являлась ли эта публикация выдачей желаемого за действительное. Но с уверенностью можно утверждать, что дальнейшие события окончательно переместят внимание с Востока, который пользовался вниманием тыла лишь при крупных военных операциях, в центральные губернии. 9 января 1905 года после Кровавого воскресенья каждый новый номер газеты будет освещать революцию. Появятся целые рубрики, регулярно доносившие информацию о масштабах забастовок. Некоторые самарские редакции даже лично в них поучаствуют. Так, Самарская газета начнёт забастовку (18, 19, 20, 22 января), в связи с чем, в эти дни выпуск свежих номеров не будет²²⁶.

Ровно через год Самарская газета сделала обобщающую статью с соответствующим названием: «Год войны»²²⁷. Под редакцией того же «Молота», подводящий итоги года войны, перечисляя все основные поражения России за кампанию 1904 года. Статья очень объёмна, но зияет пропагандистскими штампами. В ней выносятся вердикт прогнившему

---

²²⁵ Мирный договор // Самарский курьер. 1904. 31 декабря. № 188. С. 2.

²²⁶ Самарская газета. 1905. 23 января. № 16. С. 1.

²²⁷ Год войны // Самарская газета. 27 января. № 19. С. 2.

правительству — виновнику поражений, по мнению автора. И требует развитие науки, образование и культура среди самарского населения и в целом в стране.

«Самарские губернские ведомости» напротив, сохраняют верность действующему курсу и отвечает разгромной статьёй на письма солдат, жалующихся на тяжёлые условия пребывания в Маньчжурии. Словно не замечая ухудшающегося положения ни в тылу, ни на фронте. «Всегда найдутся несколько человек, если не совсем нравственно испорченных, то людей малонадежных, склонных к пьянству, к бездельничеству, для которых служба вообще, а военный поход с неизбежными лишениями в особенности, становится в тягость»²²⁸.

Помимо обвинений некоторых солдат в профанации русской армии «Ведомости», пытались поднять боевой дух откровенно пропагандистскими материалами. В газету поместили письмо японского капитана Итиде, якобы адресованное в Токио, в Генеральный штаб. В письме масса выгодной России информации и довольно детализированной, не говоря о нелепости передачи простого капитана своих рассуждений в Генеральный штаб. «Я удивляюсь, почему наши войска, назначаемые для пополнения армии, ведутся через эту страну. Войскам приходится употреблять большие усилия, и голодными и измученными они прибывают в армию. Хорошо, что в этой местности нет неприятеля, а если бы был, то плохо пришлось бы нашим передвигающимся войскам. Ляоян для нас дорого стоил, но результат не имел значени. Собственно говоря, русские до сих пор ничего не потеряли, а наоборот они много выиграли дорогого для них времени, благодаря которому они имели возможность выполнить первый план»²²⁹. Абсурдность приёма заключается не только в нелепости ситуации, но и в дате публикации.

---

²²⁸ Пища нижних чинов // Самарские губернские ведомости: неофициальная ч. 1905. 26 января. № 8. С. 2.

²²⁹ Самарские губернские ведомости: неофициальная ч. 1905. 2 апреля. № 45 С. 3–4.

Победные репортажи напечатаны 2-го апреля, т.е. после Мукденской катастрофы.

Фатальным поражением, завершившее активную фазу боевых действий стала Цусимское сражение. После катастрофы при Цусиме продолжать войну было невозможно. Разгромленные сухопутные и морские силы, уныние народных масс и бушующая в центре России революция вынудили Россию заключить мирный договор в Портсмуте. Сообщение об окончании войны в Самару пришли 24 августа, спустя день после фактического соглашения. В «Самарских губернских ведомостях» была помещена «Всепокорнейшая телеграмма статс-секретаря Витте на имя его императорского величества», в которой Витте доносил о прекращении войны. «Портсмут. 16-го августа 1905 года. Всепокорнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий и, таким образом, мир будет восстановлен. Благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и точности, согласно предначертаниям Вашего Величества, Россия остается на Дальнем Востоке великою державою, которою она была и до днесь и останется вовеки. Мы приложили к исполнению Ваших приказаний весь наш ум и русское сердце. Просим милостиво простить, если не сумели сделать большего»²³⁰. Война наконец, завершилась, но порождённые ею проблемы в обществе остались.

Итак, нападение Японии вызвало бурю негодования в российском обществе и правительственных кругах, однако своей «выходкой» одновременно дала правительству карт-бланш на формирование образа врага. Чем правительственная периодика и воспользовалась. Удар исподтишка предопределил облик японцев на страницах газет. Коварные «коротышки» неспособные на цивилизованное решение проблем.

---

²³⁰ Всепокорнейшая телеграмма статс-секретаря Витте на имя его императорского величества // Самарские губернские ведомости. 1905. 24 августа. № 134. С. 1.

В начальный период либеральные и правительственные издания шли рука об руку справедливо возмущаясь действиями японских властей. Первые поражения подарили обществу первых героев, истории которых были встречены с особой гордостью как в СМИ, так и в обществе. Однако новые поражения вынудили либеральные издания, Самарский курьер и Самарскую газету, пойти по пути реабилитации японских солдат. Такая тенденция взяла отсчёт после поражения под Вафангоу. После которого либеральные газеты обрушивались с критикой на власть за предоставление неверной информации о противнике и неудачи военной кампании. Следующей отправной точкой стала сдача Порт-Артура. Раненные и пленённые возвращались домой, вернувшись они занимались ликвидацией мифов и стереотипов о Японии. А сама сдача в очередной раз показала несостоятельность правительства во внешней политике. Чем в очередной раз навлекла гнев самарской прессы.

Ухудшение экономической ситуации, неудачи в войне, былые противоречия в российском обществе взорвались в виде Первой русской революции. Тем самым переместив одеяло внимания на себя. Война стала второстепенным явлением, причина такого смещения центра тяжести лежит в географической удалённости двух событий. Война далеко на востоке, революция — под твоим окном. В буквальном смысле, ведь по Самаре также прокатилась волна забастовок и погромов. Дальнейшие события на войне освещались в прессе слабо и имели дежурный характер в виде перепечаток телеграмм, а всю аналитику перетянуло на себя революция. Даже долгожданный мир не вызвал столь широкого резонанса в Самарской печати.

Самарская пресса после первых поражений быстро поостыла к войне и возвращалась к ней лишь в моменты повышенной активности на фронте. В промежутках между ними либеральные издания всячески пытались развенчивать стереотипы о японцах. Правительственные издания свой тон не изменили ни в начале войны, ни в конце. Прибегая к фальсификациям,

поставке недостоверной информации и излишне комплиментарной риторике в адрес власти.

Заключение

Крупные сановники, генералы и дипломаты чувствовали приближение конфликта. Для простого народа война стала полной неожиданностью. Но больше недоумения вызывала не столько война, сколько сам оппонент — японцы. На ряду с этим стояли и другие вопросы: зачем война? Где Маньчжурия и Корея? Что будет дальше? Почему именно сейчас?

Правительство верно и оперативно выстроило в данных условиях информационную политику. Задачи которой обрисовывались в следующем: оповестить о факте войны, мобилизовать народ на войну, сформировать представление о противнике, разъяснить причины конфликта. Для решения вышеназванных задач были задействованы существовавшие на тот момент способы передачи информации до потребителя: газеты, журналы, наглядные материалы (лубки), официальные документы (манифесты, постановления), телеграф и устная агитация.

Трансляторами правительственной позиции в Самарской губернии стали газета «Самарские губернские ведомости» и журнал «Самарские епархиальные ведомости», лубки, проповеди священников. Они относятся к группе официальных изданий. К группе легальных изданий относятся газеты «Самарский курьер» и «Самарская газета». К нелегальным — листовки самарских комитетов ПСР и РСДРП, устная агитация революционных активистов.

Оперативнее всего информацию доставляли газеты. Газета «Самарские губернские ведомости» отличалась сухостью, и некоторой оторванностью от реального положения на фронте. А выпуск с регулярностью лишь 2 раза в неделю, ставили газету в проигрышное положение по сравнению легальными изданиями, выпускавшийся каждый день. «Самарский курьер» и «Самарская газета» имеют ряд схожих черт. Обе газеты либерального толка. Обе противостояли предосудительным измышлениям о Японии, публично

обсуждали ошибки командования и правительства. Однако «Самарскую газету» в следствии влияния эсеров, часто заносило «влево». В резкой форме публиковались обличительные материалы, и всё громче звучали призывы чуть ли не начать гражданскую войну, что конечно, соответствовало идеологии эсеров, но подпадало под горячую руку цензоров.

«Самарские епархиальные ведомости», журнал, отражавший позицию самарского духовенства. Его задачей было вовсе не освещение событий в Маньчжурии, а назидать и наставлять на истинный путь. Все материалы, связанные с войной, выдавались через религиозную призму. Сколько-нибудь стоящей аналитики войны не имелось. Все публикуемые новости использовались для укрепления формулы: «за веру, царя и отечество».

Нельзя списывать со счетов значение в оформлении образа врага лубочной продукции, тем более в малограмотной среде. Хоть и сам он получил довольно неоднозначные оценки современников. Крестьяне к нему относились с трепетом, а интеллигенция через газеты его критиковали. Стоит иметь ввиду, что критика была не самого лубка, а методов изображения японцев и сами сюжеты не соответствующие действительности.

Листовки издавались, как правило, нелегальными партиями. Их позиция диаметрально отличалась от официальной версии. А сама информация и призывы в листовочной литературе не способствовали укреплению порядка в стране. Революционеры через листовки инспирировали населению: чинить диверсии армии, избегать мобилизации, дезертировать, начать полномасштабную войну с властью.

Основным источником информации о войне для крестьянства Самарской губернии стали лубки, пропагандирующие официальную точку зрения. Однако с началом революции и серии поражений лубки прекратили издаваться. Образовавшийся нишу быстро заняли слухи и листовки. Оставив крестьян наедине с ними, государство потеряло контроль над малограмотной

частью населения. В итоге для крестьян война стала обременительной, разорительной и совершенно непонятной авантюрой государства. Этот фактор стал последним гвоздём в крышку гроба социального порядка и политической стабильности страны.

Основными источниками информации о войне для горожан Самарской губернии стали местные и столичные газеты. Интерес к военной теме сильно варьировался: от патриотического подъёма вначале войны до абсолютного равнодушия. Лишь внезапная активность на фронте подогрела интерес самарской периодики к войне.

Таким образом, на основе анализа средств массовой информации мы можем охарактеризовать основные группы источников информации Самарской губернии. Официальные источники: лубки, официальные газеты и журналы. Представляли сугубо правительственную позицию. Поставляли актуальную информацию только до начала серьёзных поражений, далее в глазах читающей публики лишь дискредитировали себя.

Легальные источники: легальные газеты и журналы. Выражали в начале войны солидарность с официальной прессой. Вскоре изменили своё отношение к войне, требуя скорейшего заключения мира. Не боялись называть вещи своими именами, громя в печати власть и командование. Также доставляли до потребителя взвешенные сведения о Японии и японцах.

Нелегальные источники: листовки и слухи. Занимали диаметрально противоположную позицию с официальной пропагандой. Имели чётко выраженный пораженческий настрой и его же пропагандировали в крестьянской среде. Через т.н. «умных людей».

Таким образом, в результате информационной войны в самарской губернии между различными политическими движениями за умы народа. Побеждают либералы и революционеры. Первые объективнее всех снабжали информацией, вторые хоть и слабо повлияли на народные массы, однако

добились желаемого — революции. Правительство войну проиграло, завершив цикл информационной пропаганды ещё в первой половине войны. Так и не объяснив массам зачем воевали и с кем.

Список используемых источников

Неопубликованные источники

Государственное бюджетное учреждение Самарской области

*«Центральный государственный архив Самарской области (ГБУСО
«ЦГАСО»)*

Ф. 183. — Самарское местное управление общества Красного Креста. г. Самара. Оп. 1. Д. 42.

Ф. 468. — Самарское губернское жандармское управление. г. Самары. Оп. 1. Д. 281, 325.; Оп. 1сч. Д. 357, 368, 450, 450а.

Ф. 470. — Самарское жандармское полицейское управление железных дорог. г. Самара. Оп. 1. Д. 632, 657.

Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты

1. Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. — СПб.: С.-Петербургская сенатская тип. — 1903. — 144 с.

Сборники документов и материалов, статистические сборники

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / под ред. И.А. Протопопова. — Самара, 1905. — 358 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXXVI. Самарская губерния. / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб.: Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, — 1904. — 218 с.

Мемуарная и эпистолярная литература

1. Вересаев, В.В. На японской войне: очерк / В.В. Вересаев. — «Public Domain», — 1907. — 140 с.
2. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II / С.Ю. Витте, — 2-е изд. — Л.: Государственное издание, 1925. — 471 с.
3. Карабчевский, Н.П. Что глаза мои видели: Революция и Россия / Н.П. Карабчевский. — Берлин: Ольги Дьяковой и Ко, — 1921. — 44 с.
4. Куропаткин, А.Н. Русско-японская война, 1904–1905 / А.Н. Куропаткин. — 2-е изд. — Берлин: Полигон, 1911. — 557 с.
5. Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. СПб., — 1904. — 430 с.
6. Петрункевич, И.И. Из записок общественного деятеля: восп. / И.И. Петрункевич, — Прага, — 1934. — 624 с.
7. Порт-Артур. Воспоминания участников. — Нью-Йорк, 1955. — 250 с.
8. Суворин, А. Русско-японская война и русская революция: маленькие письма (1904–1908) / А. Суворин. — М., — 2005. — 752 с.
9. Сытин И.Д. Жизнь для книги / А.З. Окоркова. — М., 1962. — 279 с.
10. Трубецкой, С. Е. Минувшее / С.Е. Трубецкой; предисл. Н.А. Руднева. — М.: ДЭМ, 1991. — 340 с.

Периодическая печать

1. Газета «Искра». 1904 г. № 48. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.
2. Газета «Самарская газета». 1904-1905 гг.
3. Газета «Самарский курьер». 1904 г.
4. Газета «Самарские губернские ведомости». 1904-1905 гг.
5. Журнал «Самарские епархиальные ведомости» 1905 г.

Листовки

1. Две бомбы // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 163.
2. Долой самодержавие // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 4. Л. 62.
3. К крестьянам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450. Л. 430.
4. К обществу. Граждане // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 103.
5. К ответу // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 212.
6. К ответу // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 212.
7. К солдатам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 150.
8. Ко всем гражданам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Т. 4. Л. 142.
9. Ко всем запасным рядовым // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 343.
10. Ко всем рабочим // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Т. 4. Л. 355.
11. Ко всем солдатам // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 296.
12. Кто начал русско-японскую войну // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 4. Л. 178.
13. Надгробное слово временщику Плеве // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 314.
14. Опять мобилизация! // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 114.
15. Пауки и мухи // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 368. Л. 56-57.
16. Первое мая // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 6.
17. Письма из деревни // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 150.
18. Порт-Артур и Ляодун // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 196.

19. Почему царь не хочет мира // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 247.
20. Почему японцы бьют русских // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450. Л. 162.
21. Правда о войне. Солдаты! // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 357. Т. 2. Л. 222.
22. Русские рабочие и вы все русские граждане // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1сч. Д. 450а. Л. 235.

Печатные издания:

1. Айрапетов, О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну [Текст] / О.Р. Айрапетов // Русско-японская война 1904 – 1905 гг.: взгляд через столетие: междунар. ист. сб. / под ред. О.Р. Айрапетова. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 341–354.
2. Алабин, П.В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города / П.В. Алабин. — Самара: Губерн. стат. ком., 1877. — 744 с.
3. Алабин, П.В. Самара: 1586–1886 гг. / вступ. ст. и сост. П. Кабытова. — Самара: Кн. изд-во, 1991. — 248 с.
4. Артамонова, В.А. Боевой дух русской армии XV – XX вв. / В.А. Артамонова // Воен. –ист. антропол.: ежегод. 2002. Новые науч. направления. М.: РОСПЭН, 2002. — С. 131-147.
5. Баринаова, Е. П. Российское дворянство начала XX века в воспоминаниях современников / Е.П. Баринаова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2007. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-dvoryanstvo-nachala-hh-veka-v-vozpominaniyah-sovremennikov>. — (Дата обращения: 08.05.2018).
6. Баринаова, Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет / Е.П. Баринаова. — Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 2006. — 380 с.
7. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. — 187 с. Режим

доступа: <http://window.edu.ru/resource/820/21820/files/bezgin.pdf> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 26.04.2018).

8. Беляева, Л.Н. Библиография периодических изданий России 1901–1916 гг. / Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, Н.М. Никифоров. — Л.: «ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина», — 1961. — Т. 4. — 400 с.

9. Буранок, А.О. О беспорядках, производимых нижними чинами на Самаро-Златоустовской железной дороге в 1904–1905 гг. / А.О. Буранок // Платоновские чтения: материалы XII Всерос. конф. молодых историков. — Самара: Издательство «Универс-групп» 2006. — С. 92–96.

10. Буранок, А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» / А.О. Буранок // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-yaponskaya-voyna-na-stranitsah-samarskih-eparhialnyh-vedomostey> — (Дата обращения: 09.05.2018).

11. Буранок, А. О. Устная информация о Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства / А.О. Буранок // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-informatsiya-o-russko-yaponskoy-voynе-v-vospriyatii-samarskogo-krestyanstva> — (Дата обращения: 08.05.2018).

12. Волковский, Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. / Н.Л. Волковский. — СПб.: Полигон, 2003. — Ч. 1. — 512 с.

13. Денисов, В.Н. Война и лубок / В.Н. Денисов. — Петроград: изд-во «Нового журнала для всех», 1916. — 40 с.

14. Деревянко, И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны / И.В. Деревянко. — М.: Эксмо, Яуза, 2005. — 416 с.

15. Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. / Г.В. Жирков. — М.: Аспект-пресс, 2001. — 368 с.

16. Жукова, Л.В. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне / Л.В. Жукова // Воен. –ист. антропол.: ежегод. 2002. Новые науч. направления. М.: РОСПЭН, 2002. — С. 148-164.
17. Жукова, Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. / Л.В. Жукова // Воен.-ист. антропол.: ежегод. 2003/ 2004. Новые науч. направления. М.: РОСПЭН, 2005. — С. 261–263.
18. Зорин, А.Н. города и посады дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин. — Казань: Издательство Казанского университета, 2001. — 704 с.
19. Кабытов, П.С. Русское крестьянство в начале XX века / П.С. Кабытов. — Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1999. — 156 с.
20. Клейн, Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв / Н.Л. Клейн. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981. — 199 с.
21. Кожевникова, М.В. Два взгляда на одну войну / М.В. Кожевникова. — Самара: ООО Офорт, 2008. — 76 с.
22. Кошман, Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: соц. и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. — 448 с.
23. Кривенко, С.Н. Газетное дело и газетные люди // Избранные страницы русской журналистики начала XX века. М., "ЧеРо", 2001. — URL: http://az.lib.ru/k/kriwenko_s_n/text_0020.shtml — Загл. с экрана (Режим доступа: 14.05.2018).
24. Курмаев, М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – нач. XX вв.) / М.В. Курмаев. — Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. — 550 с.
25. Лотман, Ю.М. Художественная природа русских народных картинок / Ю.М. Лотман // Народная гравюра и фольклор в России. — М.: Наука, 1976. — С. 247–267.

26. Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). — М.: Флинта: Наука, 2004. — 368 с.
27. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 2. – 548 с.
28. Ожегов, С.И. Толковый словарь Ожегова. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13488> — Загл. с экрана (Режим доступа: 17.05.2018).
29. Павлов, Д.Б. Японские деньги и первая русская революция / Д.Б. Павлов. — М.: Вече, 2011. — 288 с.
30. Павлович, М.Л. Русско-японская война / М.Л. Павлович. — 3-е изд. доп. — М.: Красная звезда, 1925. — 142 с.
31. Патрушева, Н.Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. / под ред. М.А. Бенина. — Справочное издание. — СПб: Нестор-история, 2011. — 412 с.
32. Петропавловский, Е.С. Листовки как источник при изучении истории КПСС / Е.С. Петропавловский. — М.: Высш. шк., 1966. — 84 с.
33. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 383 с.
34. Сидякина, Н.И. Визуальная самопрезентация России и Японии в период русско-японской войны 1904-1905 гг / Н.И. Сидякина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2014. — №2 (28). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-samoprezentatsiya-rossii-i-yaponii-v-period-russko-yaponskoy-voyny-1904-1905-gg> — (Дата обращения: 07.05.2018).

35. Трифонова, В.В. М.Т. Елизаров как один из организаторов всероссийской железнодорожной стачки в октябре 1905 года / В.В. Трифонова // Платоновские чтения: материалы XI Всерос. конф. молодых историков. — Самара: Издательство «Универс-групп» 2005. — С. 195–198.
36. Храмков, Л.В. Самарский край в судьбах России: учеб. Пособие по самарскому краеведению для высших и средних общеобразовательных учебных заведений / Л.В. Храмков. — Федер. агентство по образованию. — Самара: Изд-во «самарский университет», 2006. — 371 с.
37. Четверткова, Н.Н. Цензурная политика российского самодержавия и ее реализация в конце XIX начале XX вв. (на примере Средневолжского региона) / Н.Н. Четверткова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. — 2010. — №3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzurnaya-politika-rossiyskogo-samoderzhaviya-i-ee-realizatsiya-v-kontse-xix-nachale-hh-vv-na-primere-srednevolzhskogo-regiona> — (Дата обращения: 11.05.2018).

Диссертации

1. Буранок, А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Буранок Александр Олегович. — Оренбург, 2009. — 335 с.
2. Гузей, Я.С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Я.С. Гузей. — СПб., 2014. — 248 с.

